

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

4/2020

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Миронова**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одогова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семыкина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семыкин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Mironova**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 10 от 25.12.2020 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 4/2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беляева М. А.</i> Гражданско-правовые аспекты договора розничной купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	3
<i>Дербишева О. А.</i> Перспективы развития электронных доказательств в гражданском процессе	10
<i>Костенков В. С., Тимошенко Н. А., Данилов В. В.</i> Особенности построения информационных систем по проверке подлинности документов и их авторства в контексте научно-технологического развития Российской Федерации	16
<i>Матвиенко Е. А., Ищенко Т. В.</i> О формировании молодежного правительства в Донецкой Народной Республике	22
<i>Поляков В. Ю.</i> Защита народного суверенитета в случае невозможности исполнения своих обязанностей главой государства	29
<i>Савченко А. А.</i> Генезис института брака: средние века	36
<i>Савченко А. А., Балабан Р. А.</i> Понятие и признаки непризнанных и частично признанных государств	42
<i>Савченко А. А., Сысоев Д. В.</i> Обеспечение реализации принципа самоопределения народов и наций в контексте не нарушения принципа территориальной целостности	50
<i>Тимофеева А. А.</i> Правовые основы дистанционного электронного голосования как формы реализации избирательного права	59
<i>Тимошенко Н. А., Свиридова К. Е.</i> Правовое обеспечение кадровой безопасности в системе информационной безопасности Донецкой Народной Республики	66
<i>Тимошенко Н. А., Шишкина Ю. Р.</i> К вопросу об интерпретации действий, направленных на унижение человеческого достоинства по законодательству Донецкой Народной Республики	72
<i>Хань Г. А., Осляк Н. В.</i> Криминалистическая версия – основа планирования расследования преступлений	78
<i>Цыба Е. В., Энделадзе Т. А.</i> Административно-правовой статус органов, осуществляющих государственный финансовый контроль в Донецкой Народной Республике и Российской Федерации	85
<i>Чихрадзе А. М.</i> Привилегированные составы убийств в истории становления и развития российского уголовного законодательства досоветского периода	93
<i>Ярошенко Д. Г.</i> Индивидуализация уголовного наказания в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике с учетом обстоятельств, связанных с содействием правоохранительным органам	101
Правила для авторов	108

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 4/2020

CONTENTS

<i>Belyaeva M.</i> Civil legal aspects of the agreement for retail sale with the use of information and telecommunication networks	3
<i>Derbisheva O.</i> Prospects for the development of electronic evidence in the civil process	10
<i>Kostenkov V., Timoshenko N., Danilov V.</i> Peculiarities of construction of information systems for verification of the authenticity of documents and their authority in the context of scientific and technological development of the Russian Federation	16
<i>Matvienko E., Ischenko T.</i> Development of the youth office of the executive power in the Donetsk People's Republic	22
<i>Polyakov V.</i> Protection of popular sovereignty in the event that the head of state cannot fulfill his duties	29
<i>Savchenko A.</i> Genesis of the institute of marriage: the middle ages	36
<i>Savchenko A., Balaban R.</i> Concept and signs of unrecognized and partly recognized states	42
<i>Savchenko A., Sysoev D.</i> Ensuring the implementation of the principle of self-determination of peoples and nations in the context of not violating the principle of territorial integrity	50
<i>Timofeeva A.</i> The legal framework remote electronic voting as forms of realization of the electoral right	59
<i>Timoshenko N., Sviridova K.</i> Legal support of personnel security in the information security system of the Donetsk People's Republic	66
<i>Timoshenko N., Shishkina Yu.</i> To the question about interpretation of actions aimed at inciting hatred or hostility, as well as the humiliation of human dignity in the legislation of the Donetsk People's Republic	72
<i>Khan G., Oslyak N.</i> Criminalistics version is basis of planning of investigation of crimes	78
<i>Tsyba E., Endeladze T.</i> Administrative and legal status of bodies exercising state financial control in the Donetsk People's Republic and the Russian Federation	85
<i>Chikhradze A.</i> Preferred murders in the history of the formation and development of Russian criminal legislation of the pre-Soviet period	93
<i>Yaroshenko D.</i> Individualization of criminal punishment in the Russian Federation and the Donetsk People's Republic, taking into account the circumstances related to the promotion of law enforcement	101
ПРАВИЛА для авторов	108

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРА РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

В статье раскрываются гражданско-правовые аспекты заключения договора розничной купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности, способы, место и время заключения, исполнение договора, а также выявлен ряд особенностей договора купли-продажи заключенного посредством информационно-телекоммуникационных сетей, проанализированы проблемы защиты прав потребителей при дистанционной продаже товаров.

Ключевые слова: договор купли-продажи, информационно-телекоммуникационная сеть, акцепт, оферта, дистанционная торговля, электронная подпись, способ заключения договора.

На данный момент на территории Донецкой Народной Республики сфера торговли является одной из центральных отраслей экономики, поскольку посредством торговли реализуется продажа товаров от производителя к конечному потребителю, что обеспечивает полноценное функционирование бюджета. При этом значимой отличительной характеристикой современных правоотношений в сфере торговли является то, что все большее количество потребителей прибегают к дистанционному способу приобретения товаров.

Так, в условиях глобализации и цифровой трансформации особую актуальность приобретает дистанционный способ продажи товаров и предоставления услуг. Востребованность в использовании глобальных информационно-телекоммуникационных сетей, наиболее масштабной из которых является сеть Интернет, в частности для дистанционных продаж, является признаком развитой экономики государства.

Степень научной разработанности темы исследования. Теоретическую основу исследований договора розничной купли-продажи заключенного посредством информационно-телекоммуникационных сетей, составили труды таких ученых, как: Агаркова М. М., Алексеева Е. Ф., Брагинского М. И., Венгерова А. Б., Витрянского В. В., Гонгало Б. М., Красавчикова О. А., Морозова А. В., Наумова В. Б., Новикова Д. Б., Нестерова Ю. М., Петровского С. В., Рассолова М. М., Талимончика В. П., Терещенко Л. К., Шерстобитова А. Е. и других. Однако, в нынешних условиях формирования и развития правовой базы на территории Донецкой Народной Республики, правовое регулирование заключения, исполнения договора купли-продажи посредством информационно-телекоммуникационных сетей требуют дальнейшего исследования.

В связи с массовой вовлеченностью людей в информационно-телекоммуникационные сети, в частности сеть Интернет, возрастает количество сделок, заключаемых посредством технологических систем, поскольку именно такой способ продаж способен удовлетворить большинство требований потребителя, без затрат времени на посещение стационарных мест торговли.

Следует отметить, что совершение сделок с использованием информационно-телекоммуникационных сетей имеет определенные преимущества и недостатки.

Так, можно выделить ряд преимуществ заключения договора с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности: высокую скорость совершения сделки, широкий выбор ассортимента (как в наличии, так и под заказ), наличие уникальных предложений; наличный/безналичный расчет, либо использование системы электронных денег, а также отсутствие расходов, связанных с арендой торговой площади, поскольку для продажи товаров дистанционным способом, продавцу достаточно зарегистрироваться на определенной интернет-платформе либо создать интернет-сайт, страницу в социальных сетях для осуществления торговой деятельности, в связи с чем, стоимость товаров значительно ниже, чем в стационарных магазинах розничной торговли; отсутствует необходимость нанимать обслуживающий персонал (продавца, консультанта и т.д.) и прочие.

Однако невозможно наверняка проверить качество покупаемого товара, соответствие его в реальности предлагаемым фотографиям, опубликованным в телекоммуникационной сети. Исходя из этого довольно часто происходят нарушения прав потребителя, в связи с чем возникает необходимость эффективного правового регулирования указанных правоотношений.

Учитывая проведенные исследования авторов относительно договора купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, выделяют следующие особенности, имеющие юридическое значение при заключении такого договора:

- 1) способы заключения договора;
- 2) место заключения договора;
- 3) идентификация сторон по договору;
- 4) необходимость в доступе к средствам вычислительной техники [1, с. 171].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день на территории Донецкой Народной Республики существуют пробелы в правовом регулировании заключения договора купли-продажи посредством информационно-телекоммуникационных сетей, что способствует возникновению ряда обычаев гражданского оборота, которые используют стороны по договору, а это в свою очередь порождает неопределенность и расхождения в судебной практике.

Договор купли-продажи, заключаемый посредством информационно-телекоммуникационных сетей, фактически представляет собой договор розничной купли-продажи, при этом, спецификой такого договора, отличающей его от иных разновидностей гражданско-правовых договоров, является способ заключения, а именно, применение особых средств для обмена информацией, к которым относятся: глобальная сеть Интернет, теле-, радиовещание, и иные технологические системы, предназначенные для передачи по линиям связи информации, доступ к которым

осуществляется с использованием различных средств вычислительной техники, то есть гаджетов [2, с. 124].

Характерной особенностью такого договора является отсутствие непосредственного контакта с продавцом и товаром.

В научной литературе выделяют классификацию способов заключения договоров посредством информационно-телекоммуникационных сетей:

- 1) заключение договора путем обмена письмами, используя факс, электронную почту либо страницу в социальной сети;
- 2) заключение сетевого договора с использованием сайта либо веб-страницы торговой площадки;
- 3) приобретение товаров по электронному каталогу либо по заказу посредством электронной почты;
- 4) путем проведения торгов, в частности интернет-аукционов [3, с. 92–93].

Содержание договора, заключенного посредством информационно-телекоммуникационных сетей, обязательно должно соответствовать оферте и акцепту. Так, если опубликованное в телекоммуникационной сети предложение о заключении договора купли-продажи содержит все существенные условия договора, в таком случае предложение о заключении договора приравнивается к публичной оферте, что подразумевает обязательство продавца заключить подобный договор с любым, кто к нему обратиться. Условия заключения подобного договора должны быть обязательны и равны для всех участников данных правоотношений, не смотря на способ заключения договора посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

Например, в случае, когда покупатель, заполняет на сайте Интернет-магазина определенную форму, в которой оставляет свои контактные данные (ФИО, номер телефона, адрес), с целью приобрести товар. В данном случае возникает вопрос правомерности приравнивания данных действий покупателя к акцепту. Так, многие авторы считают, что да, поскольку в подобных действиях, согласно ч. 3 ст. 547 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР), усматривается молчаливый акцепт [4]. Другие исследователи считают, что такие действия покупателя являются офертой, когда в опубликованном в телекоммуникационной сети предложении содержатся не все существенные условия договора купли-продажи, офертой будет являться обращение к продавцу одним из предложенных способов, например, регистрация на сайте; звонок в интернет-магазин; заполнение бланка на сайте и т.д. Наряду с этим, думается, что создание платформы в виде Интернет-сайта, рекламы по теле-, радиосвязи, а также опубликование фото/видео товаров в телекоммуникационной сети, в случае наличия сведений о качестве, количестве, стоимости, для продаж посредством информационно-телекоммуникационных сетей, представляет собой оферту со стороны продавца.

При этом, согласно ч. 2 ст. 542 ГК ДНР «договор в письменной форме может быть заключен, в том числе, электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору». С принятием Закона ДНР «Об электронной подписи», представляется

возможным установление личности сторон по договору посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в момент заключения договора, используя при этом электронную цифровую подпись сторон [5]. Поскольку современные технологии позволяют определить время отправки, доставки, получения сообщения, определенного уникального протокольного адреса (IP-адреса гаджета), представляющего собой совокупность цифровых обозначений, с которого покупатель вошел в сеть, однако установить личность покупателя возможно используя электронную цифровую подпись, а также вспомогательные процедуры регистрации, например, фото с паспортом, смс-коды, и т.д., с целью предотвращения случаев, когда заключить договор посредством телекоммуникационной сети, может ребенок либо недееспособное лицо.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 542 ГК ДНР: «Электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту». Таким образом, на сегодняшний день допускается возможность использования электронной подписи при заключении договора с использованием информационно-телекоммуникационных сетей с целью идентификации личности покупателя, при этом, Закон ДНР «Об электронной подписи» детально регулирует правоотношения в сфере использования электронных подписей. Так, в статье 6 указанного закона, представлен перечень случаев, когда электронный документ, подписанный электронной подписью, будет равнозначен документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно сторонами сделки.

Вопросы идентификации пользователей сети Интернет, согласно мнения А. И. Савельева, имеет существенное значение для правового регулирования. Так, потенциальный продавец/покупатель товара может реализовывать продукцию из любой точки мира, отправляя и получая товар. Однако, следует учитывать, что источник отправки сообщения может быть скрытым или закодированным, поскольку пользователь сети может быть зарегистрирован под псевдонимом или иметь электронную идентификацию, отличную от его действительной идентификации [6, с. 175–176]. Помимо того, обмен информацией относительно характеристик товара может производиться не человеком, а компьютерной программой, в силу особенностей, «виртуальности» отношений в Интернете идентификация субъекта, вступающего в гражданские правоотношения, представляет определенные трудности. Таким образом, идет речь о конвенциональном характере указанных правоотношений, что предполагает равенство в дистанционном/виртуальном пространстве и дееспособность сторон, намеренных заключить договор розничной купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, считается таковой до тех пор, пока об ином не заявлено прямо, либо не будет доказано обратное [7, с. 111].

Необходимо отметить, что время и место заключения договора купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей также имеют существенное значение, так как согласно ст. 603 ГК ДНР, договор розничной купли-

продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи покупателю кассового либо товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара. На практике, выдача кассового либо товарного чека совершается в момент передачи товара покупателю, то есть в момент доставки и одновременно с оплатой.

Место заключения подобного договора является также немаловажным, особенно при заключении договора между гражданами разных государств. При таких обстоятельствах будет действовать законодательство того государства, с которым договор имеет наибольшую связь. А в случае, если договор относится к нескольким юрисдикциям, и стороны при этом не достигли согласия относительно применяемого права, к такому договору будет применяться право, которое как по форме, содержанию, существу, признает данный договор действительным [8, с. 135].

Следует также рассмотреть вопрос защиты прав потребителей в случае заключения договора купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, поскольку на сегодняшний день возрастает тенденция введения покупателя в заблуждение путем предоставления неполной/недостоверной информации о товаре. Одной из основных проблем, связанных с защитой прав потребителей, в случае заключения договора дистанционно, является отсутствие правовых гарантий у покупателя, использующего информационно-телекоммуникационные сети для заключения договора [9, с. 155]. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 15 Закона ДНР «О защите прав потребителей», продавец обязан предоставить покупателю полную информацию о товаре, включая срок годности, стоимость, включая стоимость доставки товара покупателю, характеристики и качество, особенности доставки (тара, упаковка) и т.д. [10]. Факт предоставления покупателю всеобъемлющей информации о товаре, должен быть подтвержден посредством телекоммуникационных сетей связи и не может быть изменен в одностороннем порядке, в противном случае покупатель имеет право расторгнуть договор. Обязательства продавца, связанные с передачей товара покупателю, возникают с момента достижения согласия по существенным условиям, то есть с момента получения соответствующего письма от покупателя с намерением приобрести товар.

Как верно отмечает Симонян А. Л., с целью повышения эффективности защиты прав потребителей при дистанционном заключении договора, необходимо создание определенного механизма, который помогал бы фиксировать доказательства, к примеру, факта заключения такого договора, либо подтверждал отсутствие предоставления необходимой информации о товаре со стороны продавца. Указанный механизм может рассматриваться как саморегулирование, так и регулирование таких правоотношений государственными органами [9, с. 156]. Думается, что таким механизмом может выступать, в частности, интернет-платформа, после регистрации в которой, сторонам предоставлялось бы право на заключение сделки с использованием телекоммуникационных сетей.

Таким образом, вопрос правового регулирования договора купли-продажи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, является актуальным и требует дальнейшего исследования, в частности проблемы недостаточного

регулирования на законодательном уровне специфики формы и способов заключения, исполнения указанных договоров.

Список источников

1. Михайленко, Е. В. Проблемы информационно-правового регулирования отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право / Е. В. Михайленко; Моск. гуманитар. ун-т. – М., 2004. – 25 с.
2. Соловьев, К. В. Дистанционная торговля как объект правового регулирования / К. В. Соловьев, Г. Ф. Чекмарёв // Вестник Международного института экономики и права. – 2016. – № 3(24). – С. 119–126.
3. Честнова, Н. Ю. Заключение договора купли-продажи посредством сети Интернет: некоторые юридические проблемы / Н. Ю. Честнова // Право и Интернет: теория и практика: Материалы Всероссийской конференции (Москва 28–29 ноября 2000 года). – М., 2000. – С. 89–97.
4. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР № 81-ПНС от 13.12.2019 г. (действ. ред. по сост. на 25.12.2020) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskijkodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
5. Об электронной подписи: Закон Донецкой Народной Республики № 60-ПНС от 19.06.2015 г. (действ. ред. по сост. на 12.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-elektronnoj-podpisi/> (дата обращения: 17.01.2021). – Загл. с экрана.
6. Савельев, А. И. Гражданско-правовое регулирование договоров между клиентом и Интернет-провайдером в сети Интернет: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право / Савельев Александр Иванович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад.]. – М., 2008. – 219 с.
7. Жарова, А. К. Особенности осуществления розничной купли-продажи по сети Интернет / А. К. Жарова // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 109–113.
8. Кулик, Т. Ю. Правовое регулирование договоров, заключаемых в электронной форме: монография / Т. Ю. Кулик. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 155 с.
9. Симонян, А. Л. Защита прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров / А. Л. Симонян // Молодой ученый. – 2018. – № 4(190). – С. 154–156.
10. О защите прав потребителей: Закон Донецкой Народной Республики № 53-ПНС от 05.06.2015 (действ. ред. по сост. на 16.03.2020) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zashhite-prav-potrebitelej/> (дата обращения – 18.01.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 27.01.2020 г.

CIVIL LEGAL ASPECTS OF THE AGREEMENT FOR RETAIL SALE WITH THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

This article discloses the civil law aspects of concluding a retail sale and purchase agreement using information and telecommunication networks, in particular, methods, place and time of conclusion,

execution of the agreement, and also reveals a number of features of a sale and purchase agreement concluded through information and telecommunication networks, analyzed the problems of consumer protection in the remote sale of goods.

Keywords: purchase and sale agreement, information and telecommunication network, distance selling, electronic signature, method of concluding an agreement.

Беляева Марина Анатольевна

ассистент кафедры гражданского
права и процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: belyaeva_m96@mail.ru

Belyaeva Marina

Assistant of the Department of the Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: belyaeva_m96@mail.ru

УДК 347.1

Дербишева О. А.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В период развития законодательства Донецкой Народной Республики важным является развитие доказательственной базы гражданского судопроизводства. Электронные документы на современном этапе в период развития компьютеризации и автоматизации становятся все более необходимыми в гражданском судопроизводстве. Данный тип доказательств приобретает определенные проблемы его применения, что ставит под вопрос допустимость применения их в качестве доказательств, однако является перспективным направлением.

Ключевые слова: электронные документы, доказывание, электронная подпись, гражданское судопроизводство

В статье рассматривается понятие электронного документа как доказательства, анализируется его правовая природа, а также раскрывается форма электронной информации, которая представляется в суд. Также акцентируется внимание на проблеме отсутствия в законодательстве конкретных критериев достоверности сведений, содержащихся в электронном документе, к допустимости и использованию. Предложены пути решения проблем правового регулирования в этой сфере.

Ученые-процессуалисты уделяют ведущее внимание проблеме электронных доказательств в гражданском судопроизводстве. Данный вопрос исследовался такими учеными-процессуалистами: Д. В. Седельникова, М. В. Горелов, А. В. Фадеев, Ж. В. Эстерлейн, Н. С. Фидевич и другими.

Цель настоящей научной работы состоит в формулировании научно-практических предложений по совершенствованию законодательства Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) на основании комплексного анализа теоретических и практических проблем относительно перспективы применения электронных доказательств в гражданском судопроизводстве.

Переход к информационному обществу оказывает влияние на исторически сложившиеся правовые институты, одним из которых в гражданском судопроизводстве является институт доказывания [1].

Прежде всего, следует отметить, что существуют несколько подходов к понятию самих электронных доказательств. Большинство ученых-процессуалистов не раскрывают понятие электронного доказательства, а лишь отождествляют его с электронным документом. Так, определение электронного документа законодательно закреплено в ч. 1 п. 15 ст. 2 Закона Донецкой Народной Республики «Об информации, информационных технологиях». Согласно данному НПА «электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде,

© Дербишева О. А., 2020

пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [2].

Следует отметить, что этот часто используемый термин «электронный документ» является частично верным. Правильнее было бы назвать все эти документы цифровыми, а также соответствующие им средства доказывания-цифровыми письменными доказательствами, чтобы подчеркнуть единственное существенное отличие от бумажных документов – кодирование информации в цифровой (двоичной) форме. Однако, исходя из того, что термин «электронные документы» уже получил широкое распространение, мы можем рассматривать термины «цифровой документ» и «электронный документ» как синонимы.

Во-первых, спорным является вопрос о том, к какой группе следует отнести электронные документы в качестве доказательств. С одной стороны, законодатель использует это доказательство как своего рода письменное доказательство, так как оно известно при чтении знаков. С другой стороны, не ясно, что эта вариация доказательств будет иметь не только текстовое, но и видео сопровождение, графику и анимацию. В связи с этим некоторые процессуалисты, ссылаются на электронный документ вещественных доказательств, так как, по их мнению, он не имеет письменной формы и у них нет авторской уникальности [3, с. 23].

Наиболее правильным видится предложение Горелова М. В. о введении нового вида доказательства «информационных» [4, с. 12].

Во-вторых, как уже говорилось выше, электронный документ, являющийся разновидностью письменного доказательства, не имеет собственного определения, а также собственных характеристик и существенных признаков, что является проблемой на теоретическом уровне, поскольку для признания доказательства допустимым суд должен учитывать его особенности.

Спецификой электронного документа являются его непосредственная форма, которая отражает электронные средства и является его основным отличием от других видов документов. Что касается содержания электронного документа, то это прямая информация, содержащаяся в документе, и она важна для надлежащего рассмотрения и разрешения дела.

В-третьих, эти проблемы могут быть выявлены в форме представления таких доказательств в суд, поскольку законодатель четко не указывает, в каком виде должны вводиться электронные источники. Перечень является открытым, и судья в каждом конкретном случае оценивает соответствующие доказательства с точки зрения их смысла, допустимости, достаточности, достоверности и взаимной связи с другими лицами в доказательствах, решая таким образом проблему приобщения электронных источников к материалам дела [2].

Проблема присвоения электронному источнику соответствующей формы тесно связана с вопросом допустимости и достоверности, поскольку последняя является важнейшим категорией при оценке доказательств. В судебной практике все чаще встречаются случаи, когда один из участников заявляет, что электронные доказательства ненадежны. В этом случае для подтверждения подлинности документа используется электронная цифровая подпись. Она является аналогом

собственноручной подписи и необходим для установления личности лица, подписавшего электронный документ. Наличие такой подписи делает документ приемлемым для рассмотрения судом в качестве доказательства [5, с. 56].

Однако просто перенести электронную цифровую подпись одного документа на другой невозможно, так как она является деталью конкретного знака электронного документа [6, с. 90].

Очевидно, что для того, чтобы иметь статус доказательства, электронный документ должен содержать только ту информацию, которая позволит установить наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного решения по гражданскому делу.

При оценке судом электронных документов, представленных сторонами в суде в качестве доказательств, необходимо учитывать следующие обстоятельства: во-первых, достоверность способа, с помощью которого электронное сообщение было подготовлено, сохранено или передано; во-вторых, достоверность способа, с помощью которого была обеспечена целостность информации; в-третьих, достоверность способа, с помощью которого был идентифицирован его создатель; и, наконец, правильность способа записи информации.

Без сомнения, электронный документ должен быть получен с соблюдением всех процессуальных правил сбора доказательств.

Часто на практике электронные доказательства представляются суду в печатном виде на бумажном носителе из-за отсутствия возможности фиксации электронных доказательств без использования специального оборудования.

Конечно, если истец или ответчик распечатает страницу с веб-сайта, то эта страница, не будет признана судом доказательством из-за существующих сомнений в подлинности такой копии. В то же время в настоящий период в законодательстве отсутствуют конкретные критерии истинности сведений, содержащихся в электронном документе. При наличии свойств достоверности, части, которые используются, и способ регистрации электронных доказательств, таких как экспертиза и предоставление доказательств нотариусом.

Что касается второго способа, то есть предоставления нотариального доказательств в интернете, то он в последнее время стал более актуальным и востребованным и в основном заключается в том, что нотариус может заверить данное доказательство.

Однако, например, в Российской Федерации установить подлинность электронного документа с помощью нотариуса не всегда возможно, так как на практике можно столкнуться с проблемой сбора и предоставления электронных доказательств, поскольку страницу или информацию на веб-странице в интернете можно легко изменить или удалить. Удаленные данные с интернет-ресурсов, находящихся в споре, что важно для адекватного рассмотрения дела, и печатная веб-страница, заверенная нотариусом, не всегда достаточны для определения истины в связи с чем возникает большая проблема для сторон спора.

Поскольку в Гражданско-процессуальном законодательстве ДНР отсутствуют четкие критерии допустимости и достоверности электронных документов и

сообщений, на практике возможны случаи непризнания юридической силы электронного документа с электронным сообщением. Назрела острая необходимость включения в гражданское процессуальное законодательство критериев допустимости и достоверности электронных доказательств. Это возможно, если электронный документ является читаемым, в котором имеются необходимые реквизиты, в их ряд входит электронная цифровая подпись, а также он имеет определенные характеристики. Эти нововведения помогут избежать ошибок в деятельности суда [7].

Следует отметить, что в отношении информации, составляющей содержание электронного документа, всегда должна быть возможность ее идентификации и аутентификации, то есть должна быть возможность проверки подлинности документа. Аутентификация электронного документа обычно понимается как способность проверить целостность и постоянство содержания электронного документа. Электронный документ, передаваемый посредством электронной связи или любым другим способом, также должен быть идентифицирован.

Под идентификацией электронного документа понимается возможность установить, что оно действительно было получено от лица, которое, например, обозначено в нем как отправитель.

К категории электронных доказательств относятся не только электронные документы, подписи, печати, но и определенная информация, собранная с помощью интернета. Поскольку интернет на протяжении длительного периода существует как средство делового общения, получения актуальной информации и ведения бизнеса, все большее число пользователей может и стать жертвами онлайн-правонарушений. Нарушение в Интернете может затрагивать права и интересы тех, кто не является пользователями сети и даже не подозревает о ее существовании.

Кроме того, существуют электронные доказательства, такие как электронная подпись. Электронная подпись – это серия байтов, которая является результатом программы генерации цифровой подписи. Электронная подпись – это то же самое, что и подпись физическая, и имеет два основных свойства: она воспроизводится только одним человеком, а ее подлинность может быть проверена многими; она неразрывно связана с конкретным документом и только с ним. Электронная подпись предназначена для обеспечения подлинности, целостности и авторства документов, подпись обрабатывается с использованием компьютерных технологий, которые плотно связывают содержание документа и секретный ключ подписывающего лица в единое целое и делают невозможным изменение документа без нарушения подлинности этой подписи.

Суть процедуры использования электронной подписи заключается в том, чтобы каждый пользователь программного обеспечения имел возможность сделать несколько субъектов – ключом: секретный – для формирования цифрового аналога подписи под документом и пары с ним, открытый – для проверки подлинности цифровой подписи, рассчитанной с помощью этого ключа, секретный ключ. Используя открытый ключ пользователя, вы можете гарантировать подлинность и авторство электронных документов, что именно эта последовательность битов была передана с подписью владельца секретного ключа, соответствующего для проверки открытого ключа [8].

На данном этапе многие суды не имеют хорошего технического оснащения, что также препятствует правильной оценке достоверности электронных доказательств. Как показывает практика, судья, выслушав объяснения сторон, знакомится с электронным документом, представленным на бумажном носителе (например, путем распечатки интернет-страниц). Однако, что касается проверки, например, размещения на конкретном сайте для ознакомления с содержанием лиц, участвующих в деле, что следует сделать для более правильного разрешения дела, то суды этого не делают. Иными словами, законодатель установил возможность использования электронных документов в процессе, но закон не гарантирует их использование.

Итак, перспективы развития института доказывания видятся прежде всего в совершенствовании правил, регулирующих использование электронных доказательств. Судебная практика по этому делу формируется, но процесс идет довольно медленно и на данном этапе необходимы определенные меры, которые были необходимы, а именно: внести в ГПК Украины понятие электронного документа; добавить новый вид доказательств «информационные»; определить в какой форме предоставлять в суд электронные доказательства.

Список источников

1. Голубцов, В. Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве / В. Г. Голубцов // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 379–387.
2. Об информации и информационных технологиях: Закон ДНР (принят Постановлением Народного Совета 7 августа 2015 года; с изм., внесенными Законами от 12.03.2020 № 108-ПНС, от 11.09.2020 № 187-ПНС) / Официальный сайт Народного овета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Седельникова, Д. В. Проблемы применения электронного доказательства в гражданском и арбитражном процессах / Д. В. Седельникова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 2(13). – С. 31–34.
4. Горелов, М. В. Некоторые вопросы исследования электронных документов как доказательств в гражданском судопроизводстве / М. В. Горелов // Юрист. – 2005. – № 7. – С. 51–52.
5. Фадеев, А. В. Проблема представления электронных документов в качестве доказательства в гражданском процессе / А. В. Фадеев, Д. Ю. Русанова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 5. – С. 211–213.
6. Эстерлейн, Ж. В. Особенности электронного документа как источника доказательств в гражданском процессе / Ж. В. Эстерлейн // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 2. – С. 161–163.
7. Липатова, Н. Е. К вопросу применения электронных доказательств в гражданском судопроизводстве / Н. Е. Липатова // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции: Сб. науч. тр. по итогам международной научной-практической конференции (11 декабря 2018 г.). – № 5. – Воронеж: НН: ИЦРОН, 2018. – 36 с.
8. Тищенко, А. В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году / А. В. Тищенко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4(19). – С. 65–69.

Поступила в редакцию 27.12.2020 г.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC EVIDENCE IN THE CIVIL PROCESS

During the development of the legislation of the Donetsk People's Republic, it is important to develop the evidence base of civil proceedings. Electronic documents at the present stage, during the development of computerization and automation, are becoming more and more necessary in civil proceedings. This type of evidence acquires certain problems of its application, which calls into question the admissibility of their use as evidence, however, it is a promising direction.

Keywords: electronic documents, proof, electronic signature, civil proceedings

Дербишева Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия
внутренних дел Министерства внутренних
дел Донецкой Народной Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga

Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the DPR
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

УДК 343.522

Костенков В. С.
Тимошенко Н. А.
Данилов В. В.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ПО ПРОВЕРКЕ ПОДЛИННОСТИ ДОКУМЕНТОВ И ИХ АВТОРСТВА В КОНТЕКСТЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье приводится классификация характерных признаков и свойств документов, необходимых для проверки подлинности публикуемых материалов и установлению авторства. Описаны основные подходы к определению подлинности документа. Проанализированы преимущества и недостатки различных технологий обработки информации при построении единой информационной системы. Данная система рассматривается авторами как альтернативный подход по обеспечению контроля подлинности документов.

Ключевые слова: криминалистика, признаки документа, свойства документа, информационные системы; технологии обработки информации; подлинность документов.

Эффективность эксплуатации систем электронного документооборота во многом зависит от совершенствования механизмов по обеспечению информационной безопасности. Важную роль в подобных системах занимает процедура электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП). Она ориентирована на подтверждение авторства того или иного электронного документа с помощью криптографических методов. Однако, в связи с участвовавшими фактами мошенничества в сфере ЭЦП актуальность приобретают вопросы не отдельного использования процедуры цифровой подписи, а разработки специализированной информационной системы (далее – ИС) по обеспечению проверки подлинности документов [1].

Анализ тенденций научно-технологического развития Российской Федерации в контексте проверки подлинности документов и их авторства. Выявить преимущества и недостатки существующих подходов по проверке подлинности документов и их авторства.

Существуют несколько подходов по определению понятия официального документа. Так, одни ученые под официальным документом понимают надлежащим образом оформленный материальный носитель информации о наличии либо отсутствии фактов, имеющих юридическое значение. Другие полагают, что официальным является документ, за которым государство в установленном законом или иным нормативным актом порядке, признает юридическое значение. Он может подтверждать событие или факт, относящийся к прошлому, настоящему или будущему. Следовательно,

официальным является или может стать также засвидетельствованный в нотариальном порядке документ частного (личного) характера: доверенность, расписка, договор.

Кроме того, нет единого мнения о том, какими признаками должен обладать документ для того, чтобы иметь статус официального. Например, Т.Б. Басова выделяет следующие признаки официального документа:

- 1) представляет собой материальный носитель информации;
- 2) имеет специфическую форму;
- 3) способен удостоверять факты, имеющие юридическое значение;
- 4) исходит от компетентного органа, предприятия, учреждения, организации и их должностных лиц.

Одним из признаков официального документа может выступать его включенность в систему регистрации, строгой отчетности и контроля. Этот, казалось бы, формальный признак, тем не менее, свидетельствует именно о статусе документа, его юридической значимости в части влечения юридических последствий для лиц, которым они адресованы. Система регистрации и учета позволяет восстановить документ в случае его утраты.

Следует отметить, что решение задач поиска, отбора и систематизации информации предполагает использование интегрированной информационной системы, возможности которой позволяют существенно расширить информационную базу, необходимую для информационно-аналитического обеспечения, снизить затраты времени на поиск и отбор исходной информации, своевременно определить аспекты, по которым следует проводить проверку подлинности документа и их авторства, а главное – в процессе аналитической обработки данных обеспечить выявление нарушений содержания и его достоверности.

В соответствии с федеральным законом РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под понятием «информационная система» подразумевается некий, хранящийся в базе данных, объем данных, который обрабатывается с помощью специализированных технологий и технических средств [2].

Когаловский М. Р. в своей работе уточняет, что в понятие входят не только данные, но и: людские и информационные ресурсы, лингвистические средства, программно-аппаратное обеспечение и коммуникационное оборудование [3, с. 56].

Все это обеспечивает «динамичность информационной модели выбранной части реального мира». На наш взгляд, подобное понимание термина является достаточно широким и будет более целесообразным дать более узкую его трактовку. В ГОСТ Р 53622-2009 под ним подразумевается некий набор баз данных, системы управления и ПО, которые функционируют на вычислительных средствах как единое целое для выполнения определенной цели [4].

Подобная информационная система должна включать в себя специализированную подсистему, обеспечивающую непрерывное накопление данных о пользователях и истории их взаимодействий с различного рода документами. Данная подсистема может состоять из:

- 1) периферийной части, сопровождающей пользователей в момент заключения электронных договоров. Подобное сопровождение может обеспечиваться с помощью централизованной, децентрализованной или распределенной обработок информации;

- 2) базы данных, в которой производится накопление всех данных;
- 3) дополнительной подпрограммы, обеспечивающей аналитическую обработку данных;
- 4) операционной части, предоставляющей процедуры авторизации проводимых операций и оперативного взаимодействия с другими подсистемами;
- 5) распределенной системы, обеспечивающей механизм синхронизации информации между подобными подсистемами.

Таким образом, перспективные информационные технологии обеспечивают принципиально новый уровень обобщения, передачи, трансформации документооборота. Цель государственной политики в сфере информации – построение информационного пространства, в рамках которого будут реализованы права граждан на информацию.

Централизованная система предполагает прямое взаимодействие множества клиентских узлов с определенным сервером. Преимуществами данной технологии являются: 1) простота в обслуживании вычислительной системы; 2) простота внедрения новых методологических решений. К недостаткам данной технологии относят: 1) низкая отказоустойчивость; 2) низкая производительность; 3) функциональная ограниченность. Указанные преимущества и недостатки такого типа систем влекут следующие ограничения: 1) сложность вертикального масштабирования; 2) наличие узких мест при увеличении нагрузки на информационную систему.

Децентрализованная технология предполагает независимость принятия решений на уровне узла системы. Конечное поведение всей системы зависит от общей согласованности между собой решений каждого узла. Преимуществами данной технологии являются: 1) низкая вероятность появления узких мест при увеличении нагрузки на информационную систему; 2) высокая доступность; 3) автономность работы отдельного узла. К недостаткам данной технологии относят: 1) отсутствие контролирующих узлов; 2) сложность общего обслуживания системы; 3) сложность прогнозирования поведения отдельного узла. Указанные преимущества и недостатки такого типа систем влекут следующие ограничения: 1) сложность в регулировании отдельного узла системы; 2) сложность в решении коллективной задачи.

Ключевыми преимуществами распределенной технологии обработки информации являются: 1) масштабируемость; 2) оперативность выполнения задач; 3) многопользовательский доступ к информационному ресурсу; 4) высокая отказоустойчивость; 5) функциональная дифференциация; 6) оптимизация затрат на аппаратное обеспечение. К недостаткам данной технологии относят: 1) сложность в координации решений, принимаемых узлами системы; 2) сложность регистрации событий, происходящих в системе. Указанные преимущества и недостатки такого типа систем влекут следующие ограничения: 1) сложность во внедрении и обслуживании алгоритмов. Данное ограничение связано с отсутствием общих часов между всеми элементами; 2) сложность в принятии обоснованного решения на уровне узла связи, в связи с отсутствием представлений о деятельности других узлов; 3) сложность упорядочивания проводимых транзакций между терминалами различных узлов связи. Связано с отсутствием общих часов между всеми элементами.

В результате анализа преимуществ и недостатков технологий обработки информации наиболее приоритетным является комбинирование распределенного и централизованного типов систем. Каждый субъект информационной системы действует в соответствии с действующими полномочиями.

Образующим элементом всей системы является сеть передачи данных (далее – СПД). Подобные СПД состоят из центрального узла (далее – ЦУ), узлов (далее – УС) и каналов связи. В задачи ЦУ входят: 1) разработка и совершенствование нормативной правовой основы деятельности субъектов информационной системы; 2) контроль за выполнением нормативных документов; 3) организация и осуществление мер по предупреждению, пресечению, выявлению и устранению правонарушений в действующей информационной системе; 4) выявление и устранение нерегламентированных возможностей информационной системы; 5) координация действий между УС; 6) распределение привилегий между всеми участниками информационной системы. В задачи УС входят: 1) прием и последующая передача пакетов в направлениях, которые обеспечивают оптимальную доставку данных; 2) контроль за выполнением нормативных документов; 3) организация и осуществление мер по предупреждению, пресечению, выявлению и устранению правонарушений в подотчетной системе. Совокупность объединенных сетью передачи данных локальных серверов (далее – ЛС), подключаемых к узлам связи, образуют сеть локальную вычислительную сеть. Множество терминалов (Т) и средств связи (далее – СС), обеспечивающих подключение терминалов к ЛС, образует терминальную сеть.

Отметим, что пользовательское взаимодействие в данной информационной системе осуществляется с помощью электронно-вычислительных машин (далее – ЭВМ), подключаемых через общедоступные каналы связи. Данные передаются в форме блоков, в которых также содержится служебная информация, необходимая для управления процессами передачи и защиты данных.

Нормативно-правовое регулирование в сфере использования информационных технологий является эффективной правовой основой для реализации прав граждан, защиты общественных и государственных интересов в сфере использования информационных технологий. Продолжается поиск и разработка отдельных направлений возможного усовершенствования уже существующих информационных технологий в юридической деятельности.

Одним из примеров является инициатива национальной программы «Цифровая экономика» об электронном паспорте гражданина РФ, которая реализуется в рамках указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» [6], в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации на базе программы «Цифровая экономика Российской Федерации» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. Программа включает в себя следующие федеральные проекты:

- 1) информационная безопасность;
- 2) нормативное регулирование цифровой среды;
- 3) информационная инфраструктура;
- 4) кадры для цифровой экономики;
- 5) цифровые технологии;
- 6) цифровое государственное управление.

Приведенные проекты были утверждены протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий от 28 мая 2019 г. № 9.

Список источников

1. Новый вид мошенничества: Подделка электронной подписи // Комсомольская правда: Сетевое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/26979/4038526/> (дата обращения: 25.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12148555/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения: 04.01.2021). – Загл. с экрана.
3. Вершинская О. Н., Когаловский М. Р., Ершова Т. В. и др. / Глоссарий по информационному обществу / Под общ. ред. Ю.Е. Хохлова. – М.: Институт развития информационного общества, 2009. – 160 с.
4. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 53622-2009 «Информационные технологии. Информационно-вычислительные системы. Стадии и этапы жизненного цикла, виды и комплектность документов» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. N 964-ст) / СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70227432/> (дата обращения: 04.01.2021). – Загл. с экрана.
5. Исхаков А. Ю., Мещеряков Р. В.: Реализация подсистем идентификации и аутентификации в системах контроля и управления доступом посредством современных идентификационных признаков / Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29243428> (дата обращения: 04.01.2021). – Загл. с экрана.
6. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями) / СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71937200/> дата обращения: 04.01.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 02.02.2021 г.

PECULIARITIES OF CONSTRUCTION OF INFORMATION SYSTEMS FOR VERIFICATION OF THE AUTHENTICITY OF DOCUMENTS AND THEIR AUTHORITY IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article provides a classification of the characteristic features and properties of documents necessary for verifying the authenticity of published materials and establishing authorship. The main

approaches to determining the authenticity of a document are described. The advantages and disadvantages of various information processing technologies in the construction of a unified information system are analyzed. This system is considered by the authors as an alternative approach to ensure control over the authenticity of documents.

Keywords: forensics, document signs, document properties, information systems; information processing technologies; authenticity of documents;

Костенков Владислав Сергеевич

аспирант кафедры радиопизики
и инфокоммуникационных технологий
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: vlad.kostenkov2016@yandex.ru

Тимошенко Нина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Данилов Владимир Васильевич

доктор технических наук, профессор,
заведующий кафедрой радиопизики
и инфокоммуникационных технологий
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»,
ДНР, г. Донецк
E-mail: ut5iv@mail.ru

Kostenkov Vladislav

Postgraduate student at Department of
Radiophysics
and Infocommunication Technologies of
Donetsk National University,
DPR, Donetsk.

Timoshenko Nina

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Danilov Vladimir

Doctor of Technical Sciences, Full Professor,
Head of the Department of Radiophysics and
Infocommunication Technologies of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: ut5iv@mail.ru

УДК 342.51-053.6(477.62)»2014/...

Матвиенко Е. А.

Ищенко Т. В.

О ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЕЖНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье рассматривается современный институт Молодежного Правительства в Российской Федерации и его место в системе исполнительной власти. Кроме того, исследованы предпосылки организации и обоснована необходимость создания Молодежного парламента, как молодежного органа исполнительной власти в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: молодежный орган исполнительной власти, Молодежное Правительство, политическая активность молодежи, институт Молодежного Правительства.

Стратегическое преимущество может быть только у тех государств, которые смогут эффективно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь. Сегодня, и в современном мире, и непосредственно в Донецкой Народной Республике (далее-ДНР) молодёжь всё чаще выражает свой прямой интерес к государственному устройству и проблемам, связанным с внутренней политикой государства. Учитывая то, что новые вызовы и цели социально-экономического развития ДНР требуют комплексного, системного подхода, разработки задач и механизмов государственной молодежной политики, данная тема является как никогда актуальной, и сегодня мало исследованной.

Молодежное правительство, как составная часть института молодежного парламентаризма рассматривалась рядом отечественных авторов, такими как Отроков О. Ю. и Гукова И. Н. Политическую активность молодежи, как предпосылку создания этого института, исследовали Шинковская Н. В. и Маркотенко К. Д. Вопросы формирования социальной идентичности молодёжи, как одному из важнейших аспектов формирования института посвящены работы Фаст С. П. Однако несмотря на то, что работа над основами государственной молодежной политики в нашей республике уже ведется, вопросы молодежного правительства сегодня ещё недостаточно изучены.

Цель работы – изучить современный институт Молодежного Правительства и его место в системе исполнительной власти, а также предпосылки создания молодежного органа исполнительной власти в ДНР. Данная цель подразумевает решение следующих задач:

1) изучить Молодежное Правительство, как институт и его место в системе исполнительной власти на примере молодежных органов исполнительной власти Российской Федерации;

2) изучить предпосылки формирования молодежного органа исполнительной власти в Донецкой Народной Республики – Молодежного Правительства.

История молодёжного самоуправления в России напрямую связана с эволюцией российской государственности. Первые органы молодёжного самоуправления начали своё развитие ещё со времён правления Николая II, а в советское время приобрели форму комсомольского движения. Функции, направления и механизмы работы органов молодёжного самоуправления того времени значительно отличались от нынешних ввиду различий самих принципов государственного устройства, однако основная идея их деятельности – представительство в органах управления, подразумевающее учет мнения молодёжи при принятии решений её касающихся – сохранилась до наших дней.

На сегодняшний день наиболее актуальные для нашей страны модели молодёжных отношений представлены политикой, которая отличается «разветвлённой структурой правительственных и неправительственных молодёжных организаций, проработанным законодательством и практикой вовлечения в процессы реализации проектов представителей общественных структур и самой молодёжи. Эффективность такой модели обеспечивается за счет её многоступенчатости» [1, с. 155].

Проблемы интеграции молодёжи в общественно-политическую жизнь всегда были в центре внимания политиков, научной общественности. Только ответственная и социально активная молодёжь может стать гарантом гражданского общества и демократического государства в России. Важно, чтобы сегодня молодые граждане были готовы к активному взаимодействию с государством, участию в решении различных проблем, существующих в современном обществе. В связи с этим одним из приоритетных направлений государственной молодёжной политики на всех уровнях (муниципальном, региональном, федеральном), является развитие социальной активности молодых людей, гражданского самосознания через их участие в деятельности молодёжных парламентов, правительств, иных консультативно-совещательных структур, созданных при органах законодательной и исполнительной власти разного уровня [2].

Молодежный парламентаризм – это система представительства прав и интересов молодёжи как особой социальной группы, основанная на создании и функционировании при органах государственной власти и местного самоуправления специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодёжи в виде молодёжного парламента, молодёжного правительства, молодёжной палаты, молодёжного совета [3, с. 3].

Сами по себе органы молодёжного самоуправления являются общественными организациями, целый ряд специфических признаков которых выделяет их в отдельную категорию субъектов работы с молодёжью. В данном контексте следует акцентировать внимание, что работа с молодёжью должна носить общественно-государственный характер и быть направлена на активизацию действий по развитию партнерства всех её субъектов: органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества, коммерческих и некоммерческих организаций, а также самой молодёжи с целью обеспечению эффективной реализации государственных и

общественных интересов в процессе её социального становления и самореализации [4, с. 15].

В своей деятельности органы молодёжного самоуправления и другие молодёжные функциональные структуры опираются на представителей различных возрастных категорий, однако все из них, так или иначе, относятся к одной социальной группе – молодёжи, что предполагает наличие некоторых возрастных ограничений. Так, для школьного самоуправления этот возраст колеблется от 16 (иногда 14) до 18 лет, для студенческого самоуправления – 18–25 лет (период учебы в высшем учебном заведении), для молодежных парламентов и правительств – до 30 (иногда 35) лет. Для органов ученического, студенческого самоуправления этот признак проявляется в представлении интересов различных факультетов, групп, классов с дифференцированными возрастными параметрами. Следует также упомянуть, что органы молодёжного самоуправления призваны решать проблемы самого широкого спектра, следовательно, каждый из них должен обладать своей спецификой. Так, молодёжные парламенты занимаются, в основном, нормотворческой деятельностью, молодёжные правительства – вопросами эффективного функционирования органов исполнительной власти, студсоветы решают проблемы самореализации и социализации студентов и т.д. В целом же, органы молодёжного самоуправления призваны решать весь комплекс стоящих перед молодёжным сообществом проблем [5, с. 4].

Таким образом, институт молодёжного парламентаризма представляет собой один из наиболее успешно развивающихся сегодня институтов по взаимодействию с молодёжью. На сегодняшний день активно создаются механизмы участия молодёжи в процессе построения вектора собственного развития, в чём заинтересована как сама молодёжь, так и органы управления различных государственных и негосударственных структур и организаций.

В настоящее время, всё чаще политически активная молодёжь в ДНР пытается найти возможность представлять свои законные интересы перед государством и доносить до него свою позицию по ключевым вопросам, затрагивающим непосредственно молодёжь как социальную группу.

С целью развития молодёжного представительства, привлечения молодёжи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации им эффективной молодёжной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно значимых идей в различных молодёжных общественных консультативно-совещательных структурах сегодня в ДНР назрела необходимость в формировании молодёжного органа исполнительной власти – Молодежного Правительства.

Наличие Молодежного Парламента ДНР, который успешно функционирует с февраля 2019 года, уже сейчас позволяет иметь молодёжи республики своё представительство в качестве консультативного органа, однако создание молодёжного органа в сфере исполнительной власти позволит ещё сильнее и эффективнее интегрироваться молодёжи в общественно-политическую жизнь нашей республики.

Молодежное правительство ДНР должно формироваться как консультативно-совещательный орган молодежного самоуправления, и его деятельность должна быть направлена на развитие государства, путем вовлечения в неё молодежи и приобщения их к управленческой деятельности, повышение их правовой культуры. Этому способствует привлечение научного и творческого потенциала молодежи, что возможно реализовать посредством привлечения студентов к решению различных проблем, существующих в органах исполнительной власти, участия в работе этих органов и исследовании их деятельности с целью усовершенствования системы государственного управления.

Молодежное правительство должно обеспечивать более тесное сотрудничество университетов с профильными министерствами, органами государственной власти и органами местного самоуправления. Одним из способов достижения этой цели является налаживание коммуникаций между ВУЗами, органами исполнительной власти и местного самоуправления при проведении практической работы студентов. Молодежное правительство будет осуществлять контрольно-надзорную деятельность за соблюдением формальной стороны осуществления практики студента, осуществлять безвозмездную правовую помощь при оформлении результатов прохождения практики и т. д.

В сложившейся демографической и политической ситуации, особую и главенствующую роль в деятельности Молодежного правительства играет подготовка и обучение кадрового резерва для органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов на территории ДНР. Уже сейчас высшие учебные заведения нашего государства напрямую организуют встречи работников министерств и ведомств со студентами и организуют и проводят экскурсии непосредственно в министерства, где студенты знакомятся с основными аспектами деятельности каждого отдельного органа исполнительной деятельности.

Так, в сентябре 2020 года прошли встречи специалистов Министерства финансов со студентами ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики» и ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», в ходе которых, профильные специалисты министерства рассказали об истории становления и развития Министерства финансов, а также особенностях формирования финансовой системы Донецкой Народной Республики, при этом каждый студент мог задать интересующий его вопрос о деятельности Министерства финансов [6].

Одним из важнейших направлений деятельности Молодежного правительства является внесение предложений в сфере законодательства: тесное участие в управленческой системе государства, системе органов исполнительной власти и органов местного самоуправления позволит приобрести достаточный опыт в этих сферах деятельности, для того чтобы участники молодежного правительства могли предлагать вносить изменения в нормативно-правовые акты на стадии их разработки.

Также важно, чтобы Молодежное правительство имело возможность вести деятельность по исследованию уже вступивших в силу нормативно-правовых актов,

на предмет их соответствия текущей молодежной политике государства и интересам современной молодежи в целом, а также вносить свои рекомендации по их изменению или отмене в случае их несоответствия, поскольку одна из основных функций Молодежного правительства – обеспечение участия представителей молодежи Донецкой Народной Республики в деятельности органов исполнительной власти.

Поскольку Министерство молодежи, туризма и спорта является координационным и контрольным органом в системе исполнительной власти, между ним и Молодежным правительством должна быть установлена наиболее тесная связь. Полномочия Молодежного правительства должны обеспечивать его широкими возможностями в коммуникации с представителями органов исполнительной власти для получения от них необходимой для своей деятельности информации по вопросам, затрагивающих их компетентность.

Права и обязанности членов молодежного правительства во многом идентичны правам и обязанностям членов Правительства ДНР, с той лишь разницей, что они носят не властный характер, а рекомендательный, позволяя лишь вести аналитическую деятельность по отношению к уже существующим проблемам в системе государственных органов власти, предлагать пути их решения и участвовать в непосредственной деятельности Правительства.

Конкурс по формированию молодежного правительства ДНР следует объявлять Министерству молодежи, спорта и туризма, как органу исполнительной власти, являющимся контрольно-надзорным в сфере осуществления государственной молодежной политики и наиболее заинтересованным в формировании Молодежного правительства с максимально компетентным составом.

Обязательным условием выдвижения на должность члена правительства должна является принадлежность участников к одной из молодежных социально, политически-активных групп: студентов образовательных учреждений, аспирантов, представителей молодежных общественных объединений, молодых специалистов и других работников организаций всех организационно-правовых форм собственности. Именно социально и политически активная молодежь может предоставить наиболее компетентные кадры в сфере органов исполнительной власти, часто именно потому, что их интерес находится именно в этой сфере.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что сегодня в Республике существует благоприятный климат для создания молодежного органа исполнительной власти. И, молодежное правительство, как часть системы молодежного парламентаризма, осуществляя свои основные функции, будет выполнять ряд важнейших социальных и внутривластных задач, позволяя молодежи, как значительной части общества, отстаивать свои законные интересы, помогать органам государственной власти в осуществлении их полномочий, приобретать опыт работы в государственных органах власти.

Создание такого молодежного органа исполнительной власти, как Молодежное правительство является необходимостью с учетом сложной политической ситуации в государстве. Существующий на данный момент Молодежный парламент ДНР уже сейчас позволяет молодежи иметь своё представительство в государстве, а

Молодежное Правительство поможет усилить это представительство и расширить его на как можно большее число государственных органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Кроме того, Молодежное правительство сможет решить существующую сегодня проблему кадрового голода и обеспечить более тесное сотрудничество ВУЗов с профильными министерствами, органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Таким образом, полагаем, что, опираясь на богатый опыт Российской Федерации при создании Молодежных правительств в ряде ее регионов, в нашей Республике, реализуя задачи молодежной политики, целесообразно создание Молодежного правительства Донецкой Народной Республики.

Список источников

1. Деточенко, Л. С. Национальные модели молодёжной политики: зарубежный опыт: Национальные модели молодёжной политики: зарубежный опыт: монография / Л. С. Деточенко, Р. А. Пупыкин; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 174 с.
2. Министерство образования и науки Российской Федерации. Поддержка молодежных и детских общественных объединений, консультативно-совещательных структур молодежи, органов молодежного самоуправления / Официальный сайт Министерство образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/children/anob/stmol> (дата обращения 07.11.2020). – Загл. с экрана.
3. Гукова, И. Н. Молодежное представительство как форма проявления общественно-политической активности молодежи / И. Н. Гукова // Электронный научный журнал «Apriori. Серия: гуманитарные науки». – Издательство: Белгородский государственный университет. – 2013. – № 1. – С. 1–11.
4. Денисова, Н. С. Технологии социальной работы с молодежью / Н. С. Денисова, И. А. Гизатова // Педагогическое мастерство: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2012 г.). – М.: Буки-Веди, 2012. – С. 268–270.
5. Отроков, О. Ю. Молодёжное самоуправление в России на современном этапе: основные признаки, функции и уровни деятельности / О. Ю. Отроков // Научный журнал КубГАУ. – Издательство: ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет». – 2017. – № 129(05). – С. 1–15.
6. В Минфине состоялись традиционные встречи с первокурсниками / Официальный сайт Министерства финансов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minfindnr.ru/v-minfine-sostoyalis-tradicionnye-vstrechi-s-pervokursnikami/> (дата обращения 07.11.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 27.01.2021 г.

DEVELOPMENT OF THE YOUTH OFFICE OF THE EXECUTIVE POWER IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article analyzes the modern institution of the Youth Government, its place in the system of executive power. The prerequisites for the organization were also investigated and the necessity of

creating a Youth Parliament was substantiated as a youth executive body in the Donetsk People's Republic.

Keywords: the youth executive body, the Youth Government, the development of the political activity of youth, the Institute of the Youth Government.

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и
права ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: e_matvienko@mail.ru

Matvienko Ekaterina

Candidate of Laws, Associate Professor of
the Department of Theory and History of
State and Law of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: e_matvienko@mail.ru

Ищенко Тимур Владимирович

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: Tamerlan16111@yandex.ru

Ischenko Timur

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk

E-mail: Tamerlan16111@yandex.ru

УДК 342.3.

Поляков В. Ю.

ЗАЩИТА НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СЛУЧАЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГЛАВОЙ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена анализу законодательно закрепленных мер по защите волеизъявления народа в случае попытки государственного переворота. На основании изучения конституций и законодательства ДНР, а также Российской Федерации сделан вывод об отсутствии механизма исполнения обязанностей главы государства каким-либо должностным лицом в случае отставки главы правительства, его смерти, выезда за пределы государства или в иных случаях. Обоснована необходимость законодательного закрепления перечня высших должностных лиц, уполномоченных исполнять обязанности главы государства, а также оснований, порядка и последовательности реализации указанных полномочий.

Ключевые слова: народный суверенитет, глава государства, президент, глава правительства, государственный переворот.

В соответствии с положениями Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), Глава ДНР является главой государства, а также гарантом Конституции ДНР, прав человека и гражданина [1]. В статье 57 Основного Закона указывается, что Глава ДНР избирается гражданами ДНР на основе всеобщего равного и прямого избирательного права. Таким образом граждане республики реализуют народный суверенитет путем избрания лидера государства.

Исследованию суверенитета как института права посвящены работы таких ученых как С. А. Авакьян, В. А. Овчинников, О. Ю. Болдырев, Н. Веремеев, И. В. Лексин, А. С. Леонов, С. С. Михайлов, В. Е. Чиркин, И. Д. Левин, В. И. Ленин, А. В. Зиновьев, М. В. Баглай, В. И. Лысенко, А. И. Ковлер, В. С. Нерсисянц, Б. А. Кистяковский. В то же время, недостаточно разработанной остается проблема отсутствия механизма исполнения обязанностей Главы государства в случае невозможности реализации им и главой правительства своих полномочий. Изложенное, а также необходимость защиты народного суверенитета в указанной ситуации обуславливают актуальность темы исследования.

Целью статьи является обоснование с учетом зарубежного опыта необходимости закрепления механизма исполнения обязанностей Главы государства высшими должностными лицами в случае невозможности исполнения им и главой правительства своих полномочий.

Конституционное право рассматривает суверенитет в трех аспектах: народный, национальный и государственный. Народный суверенитет представляет собой власть народа, верховенство его воли и право на установление правового статуса человека и гражданина, государственного и общественного строя, регламентации отношений с

иными государствами и международными объединениями. Государственный суверенитет неразрывно связан с одним из основных принципов международного права – невмешательством во внутренние дела государств. Он означает высшую власть государства на данной государственно организованной территории, юридическую независимость государства от других государств и иных структур. Национальный суверенитет характеризует суверенные права наций, в том числе право на самоопределение.

Первым в науке, а затем в юридических документах XVII в. получил признание государственный суверенитет. В XVIII в. в правовых актах американской и французской буржуазно-демократических революций закреплён народный суверенитет. Конституционное признание национального суверенитета связано с первыми основополагающими правовыми актами Советской России [2, с. 6].

Суверенитет представляет собой политическую и правовую форму, в которой осуществляются властные полномочия суверена. Следовательно, суверенитет – верховная, неограниченная, неделимая, постоянная власть суверена [3, с. 57].

Теория конституционного права зарубежных стран фактически отождествляет понятия «народ» и «нация». В ряде конституций о суверенитете народа или нации вообще не упоминается (США), в других суверенитет народа закрепляется (Италия), в третьих есть упоминание о «национальном суверенитете» (Франция), в четвертых народ называют «источником и носителем суверенитета» (ФРГ, Россия), но трактовка этого понятия сливается с понятием «суверенитет народа», народ, следовательно, понимается как единый и неделимый субъект – источник права.

Суверенитет принадлежит не отдельным представителям населения, а народу государства в целом, следовательно, любые действия, направленные на сепессию, являются противоречащими Конституции.

Права и свободы человека и гражданина неразрывно связаны с суверенитетом народа. В этом заложена основная сущность народного суверенитета. Верховная власть народа может быть реализована только через его представителей.

В связи с этим необходимо на основе права детализировать принцип народного суверенитета путем создания надежных гарантий для реализации данного принципа. Развитие и защита прав человека и гражданина – самая важная из этих гарантий. Подлинным и единственным базисом государства является воля народа. Синтезом полновластия народа, т. е. представительных учреждений и системы, охраняющей право, является представительное государство [4, с. 356]. Легальная и легитимная власть может быть сформирована только выборным путем, поэтому выборы – определяющий правовой институт народного суверенитета [5, с. 30]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что принцип представительства является неотъемлемым признаком демократического государства.

С другой стороны, в целях сдерживания и упорядочения классовой борьбы известный русский правовед Б. А. Кистяковский считает, что «всеобщее избирательное право являет собой форму участия каждого гражданина в общественном компромиссе. Задача народного представительства в легализации и упорядочении классовой борьбы, только это будет способствовать развитию законности и уважению прав человека» [6, с. 143]. Следует отметить, что в данной статье рассматривается национальный

суверенитет и особенности реализации этого правового принципа в условиях возрастающего в мире количества случаев неконституционной смены высшего руководства государства.

За менее, чем два последних десятилетия в мире произошел ряд государственных переворотов, в ходе которых радикально настроенное меньшинство осуществляло акции неповиновения, митинги, пикеты, перерастающие в массовые беспорядки, погромы зданий государственных органов и частных домовладений должностных лиц, публичные и личные угрозы руководителям разных органов власти. В отдельных случаях предпринимались попытки физического устранения глав государств. Одним из примеров являются события 2014 года, произошедшие в Украине. Тогда в ходе государственного переворота была предпринята неудачная попытка физического устранения президента Украины Виктора Януковича, который был вынужден выехать в целях своей безопасности на территорию Российской Федерации. По указанным причинам премьер-министр и другие члены Кабинета министров Украины, а также часть народных депутатов были вынуждены покинуть страну. При этом часть народных депутатов от пропрезидентской фракции, имевшей до февральских событий 2014 года большинство в парламенте, перешли на сторону протестующих. Думается, что такой переход можно рассматривать в качестве ненадлежащего исполнения своих обязанностей перед избирателями, которые, поддержав на парламентских выборах список кандидатов от пропрезидентской партии, поддержали её политический курс и план внешнеэкономического и внутриэкономического развития государства при этом отдали ей большинство мандатов в законодательном органе государства. Таким образом, народные депутаты от пропрезидентской фракции, поддержавшие позицию отстаивающих прозападный вектор внешнеэкономического развития государства и выражающих антироссийские настроения протестующих, нарушили право народа на народный суверенитет.

До 21 февраля 2014 года Конституция Украины содержала положение о том, что в случае досрочного прекращения полномочий президента Украины по причине: его отставки, невозможности исполнять свои полномочия по состоянию здоровья, отрешения от должности в порядке импичмента, смерти, возлагается исполнение обязанностей президента Украины на премьер-министра. Однако 21 февраля 2014 года президент Украины и лидеры митингующих при посредничестве высокопоставленных представителей Польши, Германии и Франции подписали соглашение, касающееся урегулирования политического кризиса на Украине. Документом предусматривался возврат к парламентско-президентской форме правления, при этом были внесены изменения в вышеуказанное положение Конституции, а именно: в случае досрочного прекращения полномочий президента Украины по причине: его отставки, невозможности исполнять свои полномочия по состоянию здоровья, отрешения от должности в порядке импичмента, смерти, возлагается исполнение обязанностей президента Украины на главу парламента.

Как уже указывалось, большинство в парламенте вопреки народному волеизъявлению получила оппозиция, которая проголосовала за отставку главы парламента, принадлежавшего к пропрезидентской фракции, утвердив на данный пост одного из своих лидеров, и таким образом институт президентской власти в

государстве оказался в руках митингующих. Таким образом, восстановить конституционный порядок, защитить волю большинства избирателей и противостоять захвату власти меньшинством оказалось невозможно, так как Конституцией на тот момент не предусматривалась возможность перехода полномочий президента в случае государственного переворота к одному из высших государственных должностных лиц, поддерживающих всенародноизбранного президента. Стоит подчеркнуть, что В. Янукович получил поддержку большинства избирателей Украины на выборах президента в 2010 году, а также получила поддержку избирателей пропрезидентская партия на выборах в парламент 2012 года, получив наибольшее количество голосов.

Следует обратить внимание на то, что закрепление в Конституции Украины возможности перехода полномочий президента к премьер-министру способствовало бы воспрепятствованию организаторам государственного переворота, однако, на наш взгляд, такой меры было бы все равно недостаточно. В данном случае радикально настроенным оппозиционерам будет достаточно устранить всего двух лиц (президента государства и премьер-министра) или иным способом сделать невозможным исполнение ими своих обязанностей. События в Украине показали, что это вполне могло быть реализовано, и таким образом право народа на формирование органов власти, а также на определение внутренней и внешней политики государства полностью нивелируется.

Проблема заключается в том, что законодательно недостаточно отрегулирован перечень должностных лиц, которые уполномочены и должны взять на себя исполнение обязанностей президента в случаях, когда президент или предыдущий исполняющий обязанности президента не в состоянии выполнять свои обязанности. При этом существует необходимость закрепить, какие именно должностные лица должны входить в указанный перечень, а также закрепить последовательность указанных лиц в принятии на себя исполнения обязанностей президента в случае, невозможности исполнять соответствующие обязанности предыдущим должностным лицом в указанном перечне. Конституционное закрепление указанных положений существенно бы способствовало противодействию попыткам реализации государственного переворота. При этом следует обратить внимание на необходимость детального урегулирования данного вопроса именно в Конституции, так как лицо, исполняющее обязанности президента, будет вынуждено применять жесткие меры для подавления силовой попытки свержения власти и поэтому должно быть уверено в достаточном законодательном закреплении своих полномочий.

При этом следует учесть, что на данный момент не урегулирована ситуация, при которой исполняющий обязанности главы государства подаст в отставку либо покинет государство под давлением митингующих, последовав примеру президента Украины в 2014 году. В такой ситуации оказался 22 февраля 2014 года народ Украины, суверенитет которого защищать и отстаивать не имело достаточных полномочий ни одно должностное лицо кроме председателя парламента, пост которого занял один из лидеров меньшинства. На наш взгляд далеко не каждое лицо, при исполнении обязанностей президента возьмет на себя ответственность применения силового способа подавления государственного переворота при огромном давлении как со стороны митингующих, так и так и со стороны иностранных государств, которые, как

показали прошедшие события, активно оказывают всяческую поддержку участникам государственных переворотов за последнее время.

Именно элемент решительности или не решительности исполняющего обязанности главы государства лежит в основе необходимости предусмотреть перечень должностных лиц, которые должны взять на себя управления государством за главой государства или премьер-министром и отстоять суверенитет народа, выражающийся в данном случае в праве формировать высшие органы власти и определять основное направление внешней и внутренней государственной политики.

Рассматривая правовую регламентацию данного вопроса в ДНР и в Российской Федерации следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 62 Конституции ДНР, «В случае досрочного прекращения полномочий Главы Донецкой Народной Республики, а также в случаях, когда Глава Донецкой Народной Республики не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Донецкой Народной Республики». Аналогичное положение содержит Конституция Российской Федерации, а именно: «Во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации» [7]. Таким образом, в ДНР и Российской Федерации ситуация в случае агрессивных действий протестующих определенным образом урегулирована, однако, на наш, взгляд недостаточно.

Также следует обратить внимание на ст. 7 закона о правительстве ДНР, которая указывает: «В случае временного отсутствия Председателя Правительства Донецкой Народной Республики его обязанности исполняет один из заместителей Председателя Правительства Донецкой Народной Республики в соответствии с письменно оформленным распределением обязанностей» [8]. Следует обратить внимание на то, что данная норма не регламентирует порядок исполнения обязанностей главы ДНР заместителем председателя правительства в случае, если по каким-либо причинам глава ДНР и председатель правительства не могут исполнять свои обязанности. Так как все государственные органы и должностные лица могут действовать только в рамках полномочий, прямо предусмотренных законодательством, следовательно, в указанной статье предусматривается возможность исполнения обязанностей только председателя правительства его заместителем. Таким образом, остается открытым вопрос об исполнении обязанностей главы ДНР в указанном случае. Аналогично данная ситуация урегулирована и в конституционном законе Российской Федерации «О Правительстве Российской Федерации».

Таким образом, в конституциях ДНР и Российской Федерации также есть обозначенная проблема отсутствия механизма исполнения обязанностей главы государства в случае отставки, смерти, выезда за пределы страны (или в иных аналогичных случаях) главы государства и главы правительства. Из этого следует необходимость закрепления в конституции соответствующих положений.

Так, предлагается ч. 1 ст. 62 Конституции ДНР изложить в следующей редакции: «В случае досрочного прекращения полномочий Главы Донецкой Народной Республики, а также в случаях, когда Глава Донецкой Народной Республики не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Донецкой Народной Республики. Во всех случаях, когда Глава

Донецкой Народной Республики, Председатель Правительства Донецкой Народной Республики не в состоянии исполнять обязанности Главы Донецкой Народной Республики, указанные обязанности временно исполняет министр внутренних дел Донецкой Народной Республики. Во всех случаях, когда Глава Донецкой Народной Республики, Председатель Правительства Донецкой Народной Республики, министр внутренних дел Донецкой Народной Республики не в состоянии исполнять обязанности Главы Донецкой Народной Республики, данные обязанности временно исполняет министр государственной безопасности Донецкой Народной Республики. Во всех случаях, когда Глава Донецкой Народной Республики, Председатель Правительства Донецкой Народной Республики, министр внутренних дел Донецкой Народной Республики, министр государственной безопасности Донецкой Народной Республики не в состоянии исполнять обязанности Главы Донецкой Народной Республики, данные обязанности временно исполняет начальник управления народной милиции Донецкой Народной Республики».

Аналогичные положения следует закрепить в ч. 3 ст. 92 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, предложенные конституционные изменения будут способствовать укреплению и защите народного суверенитета в Донецкой Народной Республике и в Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 02.01.2021). – Загл. с экрана.
2. Чиркин, В. Е. Интеграционные межгосударственные процессы, Конституции и государственный суверенитет / В. Е. Чиркин // Государство и право в современном мире: проблемы теории и истории. – 2019. – № 3. – С. 5–19.
3. Зиновьев, А. В. Суверенитет, демократия, государство / А. В. Зиновьев // Актуальные проблемы современного государства и права. Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, студентов. – СПб.: Изд. Дом «Русский остров», 2007. – С. 3–13.
4. Марченко, М. Н. Государственный суверенитет: Проблемы определения понятия и содержания / М. Н. Марченко // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 186–197.
5. Овчинников, В. А. Суверенитет как государственно-правовое явление / В. А. Овчинников // Управленческое консультирование. – 2013. – № 4. – С. 28–36.
6. Кистяковский, Б. А. Государство правовое и социалистическое / Б. А. Кистяковский // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 141–159.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 17.
8. О Правительстве Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 30.11.2018 г. № 02-ПНС (с изм. и доп.) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/>

zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-pravitel'stve-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 03.08.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 08.01.2021 г.

PROTECTION OF POPULAR SOVEREIGNTY IN THE EVENT THAT THE HEAD OF STATE CANNOT FULFILL HIS DUTIES

The article is devoted to the analysis of legislatively enshrined measures to protect the will of the people in the event of an attempted coup. Based on the study of the constitutions and legislation of the DPR, as well as the Russian Federation, it was concluded that there is no mechanism for fulfilling the duties of the President of the Russian Federation and the Head of the DPR in the event of the resignation of the head of government, his death, departure from the state or in other cases.

The necessity of legislative consolidation, the list of senior officials, as well as the sequence of taking over the duties of the president by officials from this list in case of impossibility to fulfill their duties by the previous ones in the specified list, has been substantiated.

Keywords: popular sovereignty, head of state, president, head of government, coup d'état.

Поляков Виталий Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Polyakov Vitaliy
PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and International
Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

УДК 347.62

Савченко А. А.

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА БРАКА: СРЕДНИЕ ВЕКА

В статье проведен анализ норм римского, канонического и церковного права, регулировавших порядок, а также условия заключения брака в период Средних веков.

Ключевые слова: генезис института брака; каноническое брачно-семейное право; церковное право; брачно-семейные отношения христиан; брак; условия заключения брака.

В некоторых Конституциях зарубежных стран право на семью, право на брак, защита семьи со стороны государства зафиксированы в главах/разделах, тем самым государства демонстрируют особое внимание к категориям «семья», «брак». Для более конкретного понимания природы брака следует провести анализ трансформации семейно-брачного норм, в различные периоды человеческой цивилизации.

Вопросом анализа института брака в период Средних веков занимались следующие ученые: Казачанская Е. А., Суворов Н. С., Филиппсон М., Овчинников А. И., Гасанова З. Г., Нагевичене В. Я., Белякова Е. В., Вишневский А. А., Павлов А. С., Дорожднова Н. В. и другие.

По-прежнему в научной литературе отсутствует системное исследование генезиса института брака, его характерных признаков в различные исторические периоды человеческой цивилизации.

На основе исторических источников выделить характерные признаки института брака в период Средних веков.

Если анализировать период зарождения Христианства, то с момента своего возникновения, оно пыталось внедрить новую модель жизни, отрицая допустимую, в некоторых случаях полигамию, и формируя моногамную модель как основу новой религии. Первоначально Христианская церковь базировалась на обычаях германских народов, разработала каноническое право, функционирующие на нормах римского права. В греко-римской империи, как отмечал Нагевичене В. Я., церковные догмы относительно брака не получали закрепления в светских гражданских законах, лишь юстинианское законодательство о гражданских браках стало приближаться к церковному [1]. Христианство длительное время разрабатывало идеалы брака и семьи, обрамляя эти категории различными таинствами. Если вернуться к римскому праву, то следует назвать среди основных элементов легальности института брака: обручение и непосредственно регистрацию брака как такового.

Император Лев Мудрый (900 г.) принял закон, согласно которому браки, заключаемые без священного благословения не считались действительными, нормативно закрепил запрет многоженства.

© Савченко А. А., 2020

Император Алексей Комнин (1081–1118) издал постановление о церковном венчании браков, более того допускалось проведение таинства бракосочетания и среди рабов – христиан (поскольку до этого времени не признавалось равенство господ и рабов перед лицом единой веры). В случае запрета господ христианских браков между рабами, они теряли своё господство над последними. Подобное положение существовало и на Руси, в период, когда церковный брак как явление, охватывал лишь знатных людей, а низшие сословия оставались без права на венчание.

Каноническое право базировалось на принципах римского права, в соответствии с которыми основными элементами брака было обручение и регистрация по закону гражданской принадлежности. В целом, обручение, как таковое, представляло собой обычай, а не условие закрепленное законодателем. Как отмечает, Казачанская Е.А., обручение и брак оставались не тождественными понятиями, прежде всего по той причине, что обручение не являлось структурным элементом брачного договора, а рассматривалось как согласие, предоставленное женихом и невестой не порождающее никаких юридически значимых последствий [2].

Таким образом, постепенно в каноническом праве обручение становится не только обычаем, но и отношением, регулируемым церковной нормой. Церковь в отличие от положений римского права, стремилась перевести обручение из плоскости нравственной в юридическое поле, так в соответствии с ветхозаветным брачным правом, невесте обвиненной во взаимоотношениях с чужим мужчиной предписывалось наказание, предусмотренное за прелюбодеяние. В ранний период христианства этап обручения совершался за несколько лет до брака и при жизни жениха никто не мог жениться на этой невесте.

Блаженный Августин в своих работах «О супружеском благе», «О супружеской похоти», «О свободном решении», «О благе вдовца», приходит к выводу, «что такой банальный общественный институт, как брак, способен обеспечить мир и порядок в общественной жизни».

Как отмечал св. Игнатий Антиохийский, церковь, в средние века принимала участие в брачно-семейных отношениях христиан, следующим образом – христианин ставил в известность епископа о своем намерении вступить в брак и получал соответственно одобрение или отказ в церкви; более того новобрачные должны были принести жертвенные дары Богу.

Анализируя период раннего средневековья, следует отметить, что влияние церкви на семейно-брачные отношения не было ограничено римским правом, более того церковного заключения брака не существовало в тот период. Это было связано с тем, что в римском праве не было обязательного церковного действия для того чтобы данный брачный союз считался заключенным. То есть, римское право допускало обручение, но этот ритуал рассматривался не как этап заключения брака, а как обещание заключить брачный союз в будущем, действия церкви не имели юридически значимых последствий.

Болонский монах Грациан, являющийся отцом науки канонического права, отмечал в своем декрете, мысль о том, что должны получить своё юридическое закрепление так называемые «тайные браки». Он разделял брак на начатое супружество и завершённое супружество. Именно в завершённом супруестве, по мнению Гроциана,

происходит согласование всех юридических принципов. Начатое супружество допускало возможность расторжения брачного союза, в отличие от завершённого.

Обязательным условием действительности брака по каноническому праву является консумация (*consummatio* – довершение) что означает правовое осуществление брачных отношений.

Что касается тайных браков, то в этот период была любопытная «конкуренция» между тайным и публичным порядком заключения брака. Так, если тайный брак мог быть доказан, например, посредством подтверждения в суде обоими супругами этого факта, заключение последующего брака в публичном порядке, признавалось ничтожным. А в случае, если доказать тайный брак не представлялось возможным, публичное заключение брака приобретало юридическую силу.

Галиканская церковь (французская), как отмечает Казачанская Е. А., отрицала наличие начатого брака, более того, в целом исключала возможность расторжения брака. Закреплялся следующий принцип «расторжимо может быть только такое отношение, которое не является браком», таким образом, по желанию одного из брачующихся договоренность может быть расторгнута, но нерасторжимыми остаются договоры, заключенные посредством произнесения словестной формулы [2].

В XII веке брак рассматривался как таинство, основу брака в этот период составляли: моногамия, нерасторжимость брачного союза, добровольность. Развод, как таковой не допускался, однако, в некоторых случаях, речь как правила шла о супружеских изменах, возможно было раздельное проживание. В случае наличия каких-либо препятствий для заключения брака, прибегали к тайным бракам, такие союзы имели шанс на узаконивание, спустя некоторое время фактического проживания и рождения детей.

К XIII в. каноническое право объединило в себе итальянское и галликанское учения. Принцип канонического права того период включал концепцию: «не всякое обручение имеет брачное последствие». Церковь расширила свои полномочия в сфере семейно-брачных отношений: с одной стороны церковь не выступала против действительности браков, заключенных, согласно, закрепленных римским правом формальностей, но с другой стороны признавала браки, которые считались с юридической точки зрения недействительными. Таким образом, возникли два вида браков: церковно-действительные (*matrimonia rata*) и государственно-законные (*matrimonia legitima*). В этот период Папа Римский признавал действительным гражданское заключение брака у нотариуса наравне с церковным браком. Каноническое право признает христианский брак таинством.

В целом можно отметить, что каноническое право отражало нормы именно германского права, в котором обручение приравнивалось к заключению брака, в отличие от римского права, где само по себе обручение не порождало юридических последствий.

Каноническое право, распространилось на все государства, принявшие католицизм. Из-за определенного упадка светской власти, раздробленности, связующим звеном стала именно церковь, институт брака практически полностью перешел в зону контроля Церкви. Как справедливо отмечает Плешков Е.В., церковь

настаивала на своем праве контролировать основные аспекты поведения мирян – от рождения до смерти: такие как брак, приданое, развод, раздел имущества [3].

Природа брака носила скорее характер договоренности, но не лишенный согласия со стороны жениха и невесты, мнение других членов семьи не учитывалось, то есть оно приветствовалось, но не являлось обязательным. Таким образом, достаточным условием для заключения брака, в тот период, было именно непосредственное согласие будущих супругов. Также среди условий, было требование о достижении брачного возраста, например, мужчине разрешался брак с 13–15 лет, женщинам с двенадцатилетнего возраста. Наряду с этими условиями, каноническое право требовало и законность появления будущих супругов, таким образом, обеспечивая благочестие будущего союза. Имущество находилось под управлением мужа, хотя и носило характер общего имущества.

На Тридентском соборе (1545–1563 гг.) было окончательно зафиксировано положение о том, что брак является таинством, установлена обязательность участия церкви при процедуре заключения союза, требовалось также присутствие свидетелей.

В период Реформации каноническое право стало терять свою прежнюю силу влияния на институт семьи и брака. Мартин Лютер (1483–1546 гг.) и Иоанн Кальвин (1509–1564 гг.), поддавали сомнению священность брачного союза, по их мнению, брак по своей природе, это светское явление и церковь не должна вмешиваться в такие общественные отношения как создание семьи. Все споры, возникающие по поводу брака должны решаться в светских, гражданских судах. Таким образом, по сути, Реформация обозначила брак, делом светским.

Что касается Древней Руси, то в раннесредневековой период брачные союзы рассматривались не как таинство, а скорее как политический акт, так первым из ученых, исследовавших период XI–XII в, был Прозоровский Д. И. Он отмечал, что одна из норм закрепляющих обязанность князя при заключении договора вступать в родственные отношения с новоиспеченными союзниками [4].

Данное положение меняет восприятие факта наличия многочисленных жен Владимира (по данным летописям зарубежных ученых), в соответствие с данным обычаем, Владимир брал жен в результате заключения межгосударственных договоренностей. Подобная позиция существовала и в Хазарском каганате, где хазарский каган, обязан был жениться на дочерях подвластных ему вождей племен. Таким образом, сложно говорить о природе союза в подобной ситуации, скорее это показатель состояния подчиненности.

Что касается союзов, осложненных иностранным элементом, то именно в период раннего средневековья такие браки получили свое распространение, более того подобные действия привели в последствии к исламизации половецких племен. Так, Голубецкий П. В. отмечает, что родственные связи как результат брачных союзов того периода были характерны для половецко-булгарских и русско-половецких отношений [5].

Практика взаимоотношений с половецкими ханами продемонстрировала то, что договоренности с кочевниками не самое надежное средство и весьма кратковременное, единственные связи, которые допускались у кыпчаков были именно родовые. Ханы, породнившиеся с князьями не только прекращали набеги, но и

участвовали в обороне территории подвластной соответствующему князю, более того принимали участие в междоусобных конфликтах князей. Первым к такой практики взаимоотношений прибег Ярослав Мудрый, его сын, Всеволод Ярославович после смерти своей греческой жены Анны, сочетался союзом с половецкой княжной. Внук Ярослава Мудрого Святополк Изяславович женился на дочери хана Тугоркана, другой внук Ярослава Мудрого Андрей Всеволодович женился на внучке Тугоркана. Тестем Юрия Долгорукова был половецкий хан Аепа.

Таким образом, для периода Средних веков в Древней Руси брак носил скорее характер политического союза. Брак – это союз между представителями элит договаривающихся сторон.

В последующем, в результате крещения Руси, порядок создания и внутренняя организация семьи регулировалась нормами христианской морали. Основу церковной концепции брака составляла святость супружества. Христианство трактовало брак как нерасторжимый союз мужчины и женщины (то, что соединено Богом, человек расторгнуть не может). Однако в связи с тем, что греческая церковь все же допускала расторжение брака, подобное действие было возможно только в последствие церковного судебного разбирательства («роспуст»), и подобная позиция была отражена в византийском законодательстве, которое было воспринято за основу на Руси, с учетом особенностей русской традиции. Подобное трактование брака было лишь номинально. Повод для расторжения брака давала только жена, так брак расторгался в случаях, если:

- выяснялось, что жена слышала от других людей о готовящемся злоумышленном деянии на власть и жизнь князя, а от мужа своего утаила;
- муж застал жену с прелюбодеянием или это доказывалось показаниями послухов;
- жена вынашивала замысел отравить мужа зельем или знала о готовящемся другими людьми убийстве мужа, а ему не сообщила;
- жена без разрешения мужа посещала пиры с чужими людьми и оставалась ночевать без мужа;
- жена посещала днем или ночью игрища, не смотря на запрещение мужа;
- жена давала наводку вору похитить имущество мужа или сама, что-либо похищала или совершала кражу из церкви [6].

Таким образом, характеризуя понятие брака в период средневековья, прежде всего, следует отметить характерные признаки и основные цели. Церковь играла существенную роль в вопросах признания брака, более того церковь «следила» за каждой семьей в отношении нарушения верности, приговаривала к отлучению от причащения от семи до пятнадцати лет, не выступала против повторных браков, однако запрещала посвящать в священные степени мужчин-двоеженцев.

Основные цели брака в средние века: рождение и воспитание детей, взаимная помощь, средство укрощения плотского вожделения. В период Средних веков параллельно существовали – церковный брак и конкубинат. Под конкубинатом понималось сожительство мужчины и женщины без регистрации брака. Конкубинат был запрещен на Трентском соборе в 1563 году и объявлен нелегальной формой

сожительства. Если говорить о природе брака в средние века, то брак понимался, прежде всего, как таинство.

Список источников

1. Нагевичене, В. Я. Церковный брак и семья в истории христианства и русского православия / В. Я. Нагевичене // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2005. – № 7(47). – С. 68–70.
2. Казачанская, Е. А. Каноническое право и особенности заключения брака в Западной Европе в период Средневековья университета / Е. А. Казачанская // Философия права. – 2017. – № 1(80). – С. 56–59.
3. Дородонова, Н. В. Эволюция семейно-брачного права Бельгии (до принятия гражданского кодекса Наполеона) / Н. В. Дородонова // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 173–184.
4. Гагин, И. А. О значении сущности понятия «брак» в международной политике Восточной Европы XI–XII в. / И. А. Гагин // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2010. – № 2. – С. 107–113.
5. Пашуто, В. Т. Древнейшие государства Восточной Европы 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.com.ua/3U3zSyul1GTecHZo2M3gdOy9DLCTDA&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiuj_ (дата обращения: 13.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Рахманин, А. И. Компарация нормативных основ культуры древней Руси и современность / А. И. Рахманин // Аналитика культурологии. – 2008. – № 12. – С. 273–281.

Поступила в редакцию 29.12.2020 г.

GENESIS OF THE INSTITUTE OF MARRIAGE: THE MIDDLE AGES

The article analyzes the norms of Roman, canonical and ecclesiastical law that governed the order, as well as the conditions for marriage during the Middle Ages.

Keywords: genesis of the institution of marriage; canonical marriage and family law; canon law; marriage and family relations of Christians; marriage; conditions of marriage.

Савченко Анастасия Александровна
аспирант кафедры конституционного и
международного права, старший
преподаватель кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

Savchenko Anastasia
Graduate student of the Department of
constitutional and international law Senior
Lecturer at the Department of constitutional
and international law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

УДК 341.1/8

Савченко А. А.

Балабан Р. А.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ НЕПРИЗНАННЫХ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

В работе рассматриваются проблемы определения понятий «непризнанное государство» и «частично признанное государство», а также проблемы определения признаков непризнанных и частично признанных государств. Были предприняты попытки дать определения понятиям «непризнанное государство», «частично признанное государство» и предложено создать единый международный документ либо дополнить уже существующую Конвенцию Монтевидео, где отобразить основные признаки непризнанных и частично признанных государств.

Ключевые слова: непризнанные государства, частично признанные государства, понятие, признаки, государство, признание.

Международное право в современном понимании получило активное развитие в середине XX века и за этот небольшой период времени было кодифицировано достаточное количество отраслей, которые на протяжении долгого времени формировались и имели выражение только в форме обычаев. Однако, несмотря на это, в международном праве существует достаточное количество спорных и до конца не решенных проблем, связанных с нормативно-правовой базой, отсутствием должной практики и с теоретическим обоснованием тех или иных вопросов. В современных условиях одной из таких проблем, а точнее сказать противоречий в межгосударственных отношениях является наличие «непризнанных государств» и «частично признанных государств». На сегодня отсутствует единообразный подход в отношении акта признания/ непризнания того или иного политического образования государством. Хотя доктрина международного права и предусматривает определенные формы признания государств, теории признания государств, правительств, но единый универсальный документ, разрешающий данный вопрос так и не был принят международным сообществом. Некоторые ученые предполагают, что такая постановка вопроса, прежде всего, связана с тем, что акт признания сам по себе является актом добровольным, с учетом такого обязательного признака государства как суверенитет, разработка универсальных положений в сфере признания становится особенно затруднительной. С учетом того, что государства являются одними из основных субъектов межгосударственных отношений, вопросы, связанные с понятием и критериями признания заслуживают особого внимания со стороны научного сообщества.

Вопросам процедуры признания государств, определения правового статуса признанных и частично признанных государств посвящены работы многих ученых,

© Савченко А. А., Балабан Р. А., 2020

среди которых можно выделить: Александрову Н. В., Бертаева А. Т., Бобылева А. И., Вельяминова Г. М., Гасимова Ф. Р., Дадаян Д. С., Каюмова А. Р., Крылова Б. С., Лукашеву Е. А., Лукашука И. И., Маркедонова С. М., Николаенко Е. А., Сальникова А. Д., Серапионова А. О., Стешенко Л. А., Ушакова Н. А., Фельдман Д. И., Хасанова А. А., Чорномидз Ю. Н., Шибаета Д. Е.

Несмотря на наличие достаточно большого количества исследований стоит отметить, что проблема трактования понятия «непризнанное государство» и «частично признанное государство» до сих пор не получила своего разрешения, думается, что наделение так называемых «спорных государств» правосубъектностью дало бы возможность обозначить круг прав, обязанностей таких государств, что способствовало бы прежде всего соблюдению прав человека, ведь жизнь человека, гарантии прав человека, это именно те вопросы которые остаются на повестке дня в Организации Объединенных Наций последние десятилетия.

Целью исследования является анализ существующих предложенных в науке международного публичного права понятий «непризнанных государств», «частично признанных государств», и выявление признаков (критериев) таких государств.

Прежде чем начать анализ существующих мнений ученых в отношении определения понятия «непризнанных государств» стоит обратить внимание на исторические причины возникновения таких категорий государств. Как отмечает Бударагина Л. В., понятие непризнанных государств, само по себе результат политических процессов 90-х годов XX века. Некоторые авторы, наряду с этим определением используют такие названия как: «спорные государства», «самоопределившиеся», «самопровозглашенные», «страны де-факто» (хотя скорее всего данное понятие относится к области политологического терминологического арсенала), «отделившиеся государства» и другие. Как справедливо отмечает Бударагина Л. В., непризнанные государства можно рассматривать как государства, находящиеся на этапе определенной переходной стадии. Некоторые из таких государств достаточно долго сохраняют такой переходный статус (например, Турецкая Республика Северного Кипра), другие получают статус независимого государства (например, Эритрея), а третьи возвращаются в состав того государства, от которого, собственно и пытались отделиться (например, Саар в Федеративной Республике Германия).

Ряд непризнанных государств возникли еще до 1985 г., например, Китайская Республика Тайвань, Палестина, Сахарская Арабская Демократическая Республика, Турецкая Республика Северного Кипра.

С 1990 г. начинается следующая волна возникновения непризнанных государств, так претендентами на получение статуса субъекта международного права можно назвать: республику Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье (данные непризнанные государства объединены на основании того, что их возникновение связано с эскалацией этнотерриториальных конфликтов). Отдельно, некоторые авторы научных статей отмечают государства африканского континента, возникшие вследствие Сомалийской гражданской войны 1988 г. так, по их мнению, следует различать непризнанные государства по мотивам объявления независимости: к первой группе относят те, государства для которых основная цель связана с

получением независимости (Сомалиленд, Нортленд, Джуббаленд), к следующей группе относят те государства, которые желают получить автономный статус с последующим созданием «общего государства» – «Сомалийской Федерации» (речь идет о Пунтленде, Маахире, Галмудуге, Юго-Западном Сомали).

Некоторые непризнанные государства возникли в результате гражданских войн, к таким можно отнести Вазиристан на территории Пакистана, самыми крупными непризнанными государствами остаются Западная Сахара и Тайвань [1, с. 45].

Как отмечает Александрова Н. В., правовой институт признания сам по себе является противоречивым, в том числе по той причине, что, нормы регламентирующие саму процедуру содержатся как в международном так и в национальном праве.

С академической точки зрения существует два основных подхода к пониманию категории территорий, провозгласивших свою независимость: в рамках первого подхода, присущего, в основном, западным ученым, самопровозглашенные государства являются бунтующими территориями и не имеют права на существование, так как нарушают своим существованием целостность государства – одного из принципов суверенитета, а значит, нарушают Устав Организации Объединенных Наций. С другой точки зрения, которой, по большей части, придерживаются специалисты постсоветского пространства, данные территории имеют право голоса и право на существование, однако каждый кейс необходимо рассматривать исключительно в рамках конкретной ситуации [2, с. 156].

Также, стоит отметить и то, что одни авторы считают, нецелесообразным относить все непризнанные и частично признанные государства к двум четко определяемым терминам и разделяют эти понятия на множество других, такие как: «квазигосударства», «самопровозглашенные государства», «непризнанные государственные образования», «де-факто государства» и другие.

Например, Большаков А. Г. в своей работе указывает на то, что само понятие «непризнанное государственное образование» достаточно условно и может использоваться в научном плане лишь с определенными допущениями, но оно является более точным, чем широко употребляемый термин «непризнанные государства» [3, с. 129].

Некоторые авторы считают, что понятия «самопровозглашенные государства» и «де-факто государства» следует строго разграничивать. По их мнению «Самопровозглашенное государство» – это образование, которое само себя провозгласило, но не более того, а «де-факто государства» – это не отдельные неподконтрольные территории, а государства с одним исключением – их суверенитет не признан ни мировым сообществом, ни отдельными его представителями.

Другие авторы считают, что термин, касаемый непризнанных и частично признанных государств является более точным и правильным для обозначения всех таких государств и не стоит их разделять на различные определения упоминаемые выше.

Николаев Д. Г. же вообще отмечал, что определение понятия «непризнанное государство» достаточно затруднено в силу многогранности самого феномена, а также наличия целого ряда признаков, присущих в равной мере и непризнанным, и вполне полноценным государствам [4, с. 29].

Попытки ученых и юристов-международников приравнять какие-либо другие понятия к понятиям «непризнанные государства» и «частично признанные государства» являются несостоятельными и лишены всякой почвы. Так, Литвиненко В. Т. вводит в научный оборот понятие «квазигосударство», которое, как отмечает автор, идентично понятию «непризнанное государство» [5, с. 119]. Однако нам необходимо сразу же оспорить данное высказывание автора, ведь «непризнанное государство» – это государственное образование, лишенное международной правосубъектности, однако при всём этом, имеющее признаки государства чего нельзя сказать о «квазигосударствах», которые в принципе не имеют признаков государственности, а значит, и говорить о соотношении данных понятий не совсем правильно.

Исходя из вышеизложенного, мы можем заметить, что мнение ученых в отношении определения понятий «непризнанные государства» и «частично признанные государства» очень сильно разнятся, и каждый исследователь использует в какой-то степени свой личный подход в интерпретации данных понятий, а международное право и вовсе не дает понятие данным определениям.

На основании исследования различных работ авторов стоит предпринять попытку дать определение понятиям «непризнанные государства» и «частично признанные государства». Так, непризнанные государства – это государства, провозгласившие себя независимыми, обладающие признаками государственности, но не имеющие полного или частичного признания со стороны хотя бы одного государства-члена Организации Объединенных Наций, либо имеющие такое признание только от таких же непризнанных государств, вследствие чего они не могут выступать в качестве субъекта международных отношений.

Частично признанные государства – это государства, провозгласившие себя независимыми, имеющие признаки государственности, но их независимость признана исключительно отдельными государствами-членами Организации Объединенных Наций, вследствие чего они исключены из круга субъектов международного права, а их участие в международных отношениях ограничено отношениями только с признающими их государствами.

Для более глубокого понимания такой категории, как непризнанные и частично признанные государства необходимо отметить признаки, присущие данным государственным образованиям.

Здесь также возникает проблема, так как в международном праве отдельно для вышеуказанных государств признаки нигде не закреплены, однако непризнанные и частично признанные государства фактически обладают такими же основными признаками, как и все признанные государства мира. В связи с этим мы имеем все основания ссылаться на международный документ, единственно закрепляющий признаки государств, а именно на Конвенцию Монтевидео «О правах и обязанностях государств». Вышеуказанная Конвенция закрепляет следующие признаки:

- постоянное население;
- определенная территория;
- собственное правительство;
- способность к вступлению в отношения с другими государствами.

Так, непризнанные и частично признанные государства имеют постоянное население и определенную территорию, за которой эффективно осуществляют контроль, имеют также и собственные правительства. Здесь вопрос возникает лишь в последнем критерии, поскольку признанные государства в принципе не вступают в международные отношения с непризнанными и частично признанными государствами, вследствие чего данное обстоятельство серьезно влияет на международную правосубъектность государственных образований.

Мнение ученых, юристов-международников и других экспертов в области международного права по поводу признаков непризнанных и частично признанных государств также расходится.

Так, Маркедонов С. М. выделяет следующие характеристики непризнанного государства. Во-первых, декларативный характер их государственности, так как государства такого типа заявляют о своем фактическом суверенитете и обладают некоторыми важными атрибутами государства (территория, правительство, вооруженные силы, в некоторых случаях даже своя денежная система). Во-вторых, их суверенитет обычно не имеет внешней легитимации (он не признается ни Организацией Объединенных Наций, ни большинством государств-членов этой организации). Как следствие – невозможность полноценного участия в международной политике и внешнеэкономической деятельности. В-третьих, непризнанные государства всегда расположены на территории, которая рассматривается международным сообществом, как часть территории и суверенитета существующего признанного государства. Такое государство называется «родительским» или «материнским». В-четвертых, окончательный их статус остается долгие годы неопределенным [6, с. 31].

Осипова С. А. выделяет шесть признаков непризнанного государства:

- непризнанное государство осуществляет реальную власть на определенной территории с населением;
- органы власти непризнанного государства независимы в своих действиях от центрального правительства и иностранных государств;
- представители самопровозглашенного государства прямо заявляют о своей независимости;
- широкая поддержка идеи независимости среди населения непризнанного государства;
- самопровозглашенное государство создается на территории, имеющей статус, равноправный остальным частям территории государства-суверена, лицами, имеющими полный объем прав граждан данного государства;
- несмотря на реальное осуществление власти, наличие территории постоянно проживающего на ней населения, на поддержку этого населения, ни центральное правительство, ни иностранные государства не признают данное образование [7, с. 124].

Касперсен Н. среди критериев обозначает:

- наличие независимости де-факто таких образований, с последующим контролем территории не менее чем последние два года;
- такие образования не добились признания или такое признание ограничивается лишь немногими государствами;

– население такой территории демонстрирует желание получения независимости де-факто, либо через формальное провозглашение, либо посредством проведения референдума.

Как отмечает Бударagina Л. В., такие критерии исключают возможность отнесения непризнанных государств к категории так называемых неуправляемых государств, а также государств–в–государстве.

Черниченко С. В. наряду с вышеизложенными критериями особое внимание уделял, тому обстоятельству, что возникновение такого государства не должно противоречить существующим принципам международного права.

Считается целесообразным выделить такой отличительный признак непризнанных и частично признанных государств, как «слабость». Это, продиктовано прежде всего тем, что на территории государственных образований обязательно когда-то велись либо ведутся военные действия, вследствие чего разрушена часть экономики и инфраструктура. Однако стоит отметить, что нет необходимости уделять такому спорному признаку слишком большое значение, так как существуют непризнанные и частично признанные государства, на территории которых уже долгие годы нет военных действий, и такие государства медленно развиваются, восстанавливая экономику и повышая уровень жизни населения.

Резюмируя вышеперечисленное можно сказать, что среди ученых-теоретиков нет единого мнения, касаемого признаков непризнанных государств. Все они с опорой на Конвенцию Монтевидео стараются выделить свои признаки, что, безусловно, говорит о том, что существуют пробелы в международном праве, и на сегодняшний день нет никаких предпосылок к тому, что эти пробелы в праве будут устранены.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сказать, что на международном уровне просто необходимо создать единый документ, в котором указывались бы основные признаки непризнанных и частично признанных государств, который действовал бы на такие государственные образования либо дополнить уже существующую Конвенцию Монтевидео с целью толкования и разъяснения её положений, где добавить признаки таких государственных образований.

Опираясь на Конвенцию Монтевидео и изучив мнение ученых, представляется возможным выделить следующие основные признаки непризнанных и частично признанных государств:

- наличие реально контролируемой территории;
- население, поддерживающее власть и идею независимости;
- независимое правительство, на которое нет давления со стороны других государств;
- наличие территориального конфликта и территориальных претензий к «родительскому» государству;
- полное или частичное отсутствие международного признания.

Подводя итоги всего вышесказанного, мы можем говорить о том, что в международном праве действительно существуют некие проблемы, связанные с трактовкой понятий «непризнанные государства» и «частично признанные государства». Международное право просто не дает таким понятиям определения из-за чего на протяжении всего существования института признания между различными учеными,

юристами и другими экспертами в области международного права ведутся споры касательно того стоит ли объединить данные понятия в одно, либо разделить данные понятия на несколько других понятий, а также какое определение подходит больше к данным государственным образованиям.

То же самое касается и признаков непризнанных и частично-признанных государств. Нет ни единого международного документа, который закреплял бы данные признаки для таких государственных образований, а единственным документом, который закрепляет признаки государственности, является Конвенция Монтевидео, которую можно использовать для определения признаков непризнанных и частично признанных государств, однако это не является правильным. Да, такие государственные образования обладают основными признаками признанных государств, но у таких непризнанных и частично признанных государств есть и отличительные признаки, которые были указаны выше.

Список источников

1. Бударagina, Л. В. Статус непризнанных государств / Л. В. Бударagina // Право и современные государства. – 2016. – № 3. – С. 44–49.
2. Дробышева, Т. В. Особенности правового положения непризнанных государств (на примере непризнанных государств постсоветского пространства) / Т. В. Дробышева // Журнал Международные отношения. – 2019. – Вып. 2: Серия Право. – С. 154–159.
3. Большаков, А. Г. Непризнанные государственные образования постсоветского пространства: казус Нагорного Карабаха / А. Г. Большаков // Журнал Ученые записки Казанского университета. – 2007. – Том: 149, кн. 3: Серия Гуманитарные науки. – С. 129–145.
4. Николаев, Д. Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике / Д. Г. Николаев // Вестник Московского университета. – 2010. – Вып. 1: Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – С. 27–41.
5. Литвиненко, В. Т. Вопросы институционального становления государственности квазигосударств / В. Т. Литвиненко // Журнал Власть. – 2009. – Вып. 10: Серия Политические науки. – С. 119–122.
6. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Аналитические доклады Института Кавказа, № 5, январь 2012 / С. М. Маркедонов; науч. ред.: А. Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 180 с.
7. Осипова, С. А. Непризнанные государства как политико-правовой феномен: теоретико-методологический аспект / С. А. Осипова // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. вип. – 2011. – Вып. 123: Серія Політологія. – С. 124–127.

Поступила в редакцию 02.02.2021 г.

CONCEPT AND SIGNS OF UNRECOGNIZED AND PARTLY RECOGNIZED STATES

This paper examines the problems of defining the concepts of «unrecognized state» and «partially recognized state», as well as the problem of determining the features of unrecognized and partially recognized states. Own definitions were given to the concepts of «unrecognized state», «partially

recognized state» and it was proposed to create a single international document or supplement the already existing Montevideo Convention, where the main features of unrecognized and partially recognized states were displayed.

Keywords: unrecognized states, partially recognized states, concept, signs, state, recognition.

Савченко Анастасия Александровна

аспирант кафедры конституционного и
международного права, старший
преподаватель кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

Savchenko Anastasia

Graduate student of the Department of
constitutional and international law Senior
Lecturer at the Department of constitutional
and international law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

Балабан Руслан Александрович

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: balaban.r98@gmail.com

Balaban Ruslan

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: balaban.r98@gmail.com

УДК 341.1/8

Савченко А. А.

Сысоев Д. В.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И НАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ НЕ НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

В работе исследованы теоретические и правовые основы принципа территориальной целостности государств, право народов на самоопределение, проанализирована история становления и закрепление данных принципов в международно-правовых актах, рассмотрено соотношение принципа территориальной целостности государств и право народов на самоопределение.

Ключевые слова: принцип территориальной целостности, принцип самоопределения народов и наций, международно-правовые акты, международные организации, сецессия.

Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью научного осмысления сущности принципа территориальной целостности государства и принципа самоопределения народов и наций в современных условиях роста количества неурегулированных территориальных споров как внутригосударственных так и международных, разрешение вопросов, поиска механизмов обеспечения реализации принципа самоопределения народов и наций в контексте не нарушения принципа территориальной целостности.

В то же время современный контекст государственной политики национальной безопасности требует комплексного исследования принципа территориальной целостности государства в контексте соотношения с принципом равноправия и самоопределения народов и наций, а также обеспечения национальных интересов.

Исследованиями в области соотношения принципов международного права занимались следующие ученые: Буханова А. С., Хасанов А. А., Скрипкина Ю. Г., Мякинина С. Б., Кошкин А. П., Черданцев В. В., Рябинин А. Л., Паращевина Е. А., Карасёва Е. М., Тамазян В. В., Грушкин Д. В., Барсегов Ю. Г., Алексидзе Л. А., Кочарян В. В. и другие.

Впервые принцип территориальной целостности был закреплен Уставом Лиги Наций 10 января 1920 года, однако, фиксация этого принципа не предотвратила ни начало Второй мировой войны, ни развитие территориальных споров в послевоенный период, и не ликвидировала возникающие территориальные претензии в новом ХХI в. Несмотря на существующую систему принципов международного права, вследствие отсутствия четкого правопонимания процесса взаимодействия принципа территориальной целостности и принципа права народов на самоопределение,

существует угроза появления практики «двойных стандартов» в оценке тех или иных политических изменений, не обеспечивается должным образом основная цель создания Организации Объединенных Наций (далее – ООН): поддержание международного мира и безопасности.

Целью исследования является определение сущности понятий территориальной целостности, а также самоопределения народов и наций, а также определение точных критериев для обеспечения реализации принципа самоопределения народов и наций в контексте не нарушения принципа территориальной целостности. Для достижения цели поставлены следующие задачи: исследовать теоретические и правовые основы принципа территориальной целостности государств и право народов на самоопределение, проанализировать историю становления и закрепление данных принципов в международно-правовых актах, рассмотреть соотношение принципа территориальной целостности государств и право народов на самоопределение.

Для определения сущности принципа территориальной целостности государства и принципа равноправия и самоопределения народов и наций, а также предложений по разработке механизмов обеспечения реализации принципа самоопределения народов и наций, необходимо в первую очередь рассмотреть их историю становления.

Рассматривая генезис принципа территориальной целостности, необходимо отметить, что первым этапом было его утверждение как принципа национального. Впервые об этом принципе высказывался выдающийся голландский юрист Гуго Гроций (1583–1645 гг.), а именно основатель науки международного публичного права обозначал: «... Подобно тому, как гражданин, нарушающий внутригосударственное право ради своей ближайшей выгоды, тем самым подрывает основу собственного своего благополучия и благополучия своего потомства, так точно и народ, нарушающий... право народов, навсегда подрывает основу своего собственного спокойствия в будущем» [1].

Шарль-Ирине де Сен-Пьер (1658–1743 гг.) продолжил идею Гуго Гроция в своей концепции «вечный мир» на Утрехтском конгрессе, обозначая необходимость установления гарантий территориальных владений для государств, уважение территориальной целостности, более того он заявлял о необходимости отказа от принципа *jus ad bellum* – права на войну. Однако идеи ученого не были поддержаны. И только французская революция впервые провозгласила отказ от завоевания территорий.

27 мая 1790 года национальным собранием был принят декрет, согласно которому «всякая война, начатая по другим мотивам и для других целей, чем защита справедливого права, является актом угнетения. Теперь французский народ запрещает себе начинать любую войну, направленную на увеличение его нынешней территории» [2].

В международном праве принцип территориальной целостности государств впервые был закреплен Уставом Лиги Наций, члены которой обязывались уважать и сохранять от внешнего нападения территориальную целостность и политическую независимость участников этой организации. Позже этот принцип был закреплен в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права 1970 г. и Заключительном акте Соперничества по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., поэтому он стал

общим для всех государств принципом международного права. В названных международных актах раскрыто основное содержание принципа территориальной целостности, основой которого являются следующие основные положения:

- воздержание государств от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства;
- воздержание государств от организации или поощрения иррегулярных сил и военных банд для вторжения на территории других государств;
- воздержание государств от превращения территорий других государств в объект военной оккупации или применения других силовых средств в нарушение норм международного права [3].

Также необходимо указать, что после окончания Второй мировой войны не все политические силы в Западной Европе были довольны территориальным устройством. Реализация притязаний радикальных политиков о пересмотре послевоенных границ могла бы привести к трагическим последствиям. Поэтому именно с целью устранения каких-либо правовых оснований для подобных претензий были и приняты вышеуказанные международные договоры, в которых была закреплена норма о признании нерушимости границ всех государств в Европе. Так, в ст. 3 Декларации принципов Заключительного акта СБСЕ от 01.08.1975 г. провозглашалось: «Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, так и границы всех государств в Европе, поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы»[4].

В теории международного права существует неоднозначный подход к самому названию этого принципа, а именно в работах некоторых ученых речь идет о принципе территориальной целостности, другие же ведут исследование в отношении территориальной неприкосновенности. Такое положение имеет место вследствие различия в переводе, так в русском переводе это «территориальная неприкосновенность», а английский вариант фиксирует «territorial integrity» – что при адаптации на русский язык обозначает все же территориальную целостность.

Что касается, инструментов посягательства, или точнее стоит говорить о методах воздействия, то естественно с течением времени они приобретают новые формы, например, если раньше это были скорее военные и политические, то сейчас наряду с экономическими, стоит уже говорить и об информационных.

Таким образом, отсутствие доктринального определения принципа территориальной целостности приводит к неоднозначному сопоставлению этого принципа с принципом нерушимости государственных границ, а также с принципом равноправия и самоопределения народов. Различия в подходах приводят как раз к возникновению практики «двойных стандартов».

Если проанализировать практику реализации принципа самоопределения народов, то можно отметить, что данный принцип становится причиной нарушения территориальной целостности, это происходит, как правило, через присоединение к другому государству либо через обретение иного политического статуса, определенного народом, компактно проживающим на конкретной территории по причине нарушения какого-либо декларированного права в отношении этого народа.

Что касается истории становления принципа самоопределения народов и наций, то в первую очередь необходимо рассмотреть категорию самоопределения, как один из главных элементов теории либерализма, которая начала формироваться почти одновременно с формированием классической естественно-правовой парадигмы еще в XVI в. благодаря трудам Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. В дальнейшем эта концепция развивалась именно в контексте теорий либерализма и лишь в начале XX века получает более четкую формулировку и приближается к традиционной, в современном понимании, категории. В 1917 г. Вудро Вильсон объявляет, что самоопределение является одной из целей войны (Первой мировой), декларирует эту позицию в своем послании в Лигу Наций. С принятием Устава ООН принцип самоопределения выходит на качественно новый уровень, а после принятия Декларации о принципах международного права в 1970 г. Эта категория окончательно закрепляется в международном праве.

Несмотря на динамику развития этой концепции, реализация и практическое применение права на самоопределение столкнулись с довольно противоречивой практикой. На сегодняшний день, ряд международно-правовых актов дают определение принципа и закрепляют право на самоопределение народов, среди данных актов прежде всего стоит отметить Устав ООН, Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Декларация о принципах международного права, Хельсинкский заключительный акт 1975 г., ряд документов ОБСЕ, Декларация о правах коренных народов 2007 и другие. Так, в соответствии с Декларацией о принципах международного права, самоопределение заключается в праве всех народов свободно определять без внешнего вмешательства свой политический статус и осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие, а каждое другое государство обязано уважать это право. Именно в соответствии с положениями этой декларации создание суверенного и независимого государства является одной из форм реализации принципа самоопределения [5].

Рассматривая определение сущности принципа самоопределения народов и наций, а также процесс реализации данного принципа, стоит в первую очередь отметить следующее, что сущность принципа самоопределения сводится к необходимости большинства уважать права меньшинства, как отмечают практики международного права. Однако, важным остаётся и тот тезис, что интересы меньшинства также не должны нарушать права большинства, таким образом, речь идет о компромиссе и взаимном уважении, учете интересов всех групп, чего, порой бывает категорически сложно достичь, в том числе из-за низкого уровня культуры, правового нигилизма и популистских высказываний в средствах массовой информации.

Традиционно самоопределение в международном праве рассматривают как антиколониальный принцип, такой, что исключает внешнюю оккупацию, гарантирует всем этническим группам и другим народам доступ к управлению государством. Таким образом, одной из самых острых проблем является понимание, толкование и, что самое важное, применение принципа самоопределения народов и наций.

Анализируя проблемы реализации принципа самоопределения народов, можно констатировать: практика опережает теорию. На современном этапе развития

международных отношений большинство политических конфликтов в мире имеют определенную, хотя и формальную, юридическую основу. Нарушение тех или иных соглашений или договоренностей, наличие двусмысленного трактования положений таких фундаментальных документов является поводом к эскалации напряженности.

В этом контексте толкование содержания и процесс реализации принципа народов на самоопределение становится чрезвычайно удобным инструментом для заинтересованных в конфликте сторон. Другим, не менее важным, вопросом является положительный смысл этого принципа и права, именно тот, который закладывался создателями Устава ООН, а затем получил свое развитие в Декларации о принципах международного права: «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие и каждое государство обязано уважать это право» [3].

Изучая практику применения международно-правовых норм в современных конфликтах, можно сказать, что реализация принципа противоречит в той или иной степени принципу территориальной целостности государств. Однако рассматривая конфликт в Нагорном Карабахе, следует отметить, что решение конфликта не может быть основано только лишь на принципе территориальной целостности государств. Конфликт должен быть разрешен в контексте трех принципов международного права: неприменения силы или угрозы силой, территориальной целостности, равноправия и права народов на самоопределение, которые представляю собой единое целое. Попытки придать приоритетное значение одному из этих принципов подорвут возможность мирного урегулирования.

Отдельные авторы отмечают, что в соответствии с практикой применения документов ООН, а также на основе судебных прецедентов можно сделать вывод, что фактическая реализация принципа самоопределения является исключительным мероприятием и возможна лишь тогда, когда наступают определенные условия, определенные нарушения.

Так, в этом контексте профессор международного права Университета Св. Иоанна (Нью-Йорк) Кристофер Борген считает: исходя из приведенного толкования, чтобы претендовать на самоопределение как исключительную меру, необходимо доказать по крайней мере следующее: те, что намерены реализовать это право, являются «народом»; государство, в рамках которого возможно такое отделение, серьезно нарушает права этой группы людей; отсутствуют другие эффективные меры в рамках внутреннего или международного права, которые могли бы решить проблемы этой группы.

Стоит обратить внимание на некоторые проблемы такого подхода. Согласно упомянутой позиции, народ или нация, которые желают самоопределиваться, должны быть подвержены определенным ограничениям, репрессиям или находиться в состоянии конфликта с титульным населением страны. Таким образом, самоопределение рассматривается как реакция на притеснения или ограничения. Положительный же контекст такого принципа выражается в исторической, общественной, политической, экономической зрелости народа начать или продолжить свое развитие в качественно ином политическом статусе, фактически отодвигается на задний план или же не рассматривается совершенно.

Исходя из вышесказанного, можно вывести определение принципа самоопределения народов и наций. Так принцип равноправия и самоопределения народов и наций – это принцип международного публичного права, который обозначает наличие у народов и наций равных прав в любой социально-политической общности: автономии, федерации, мировом сообществе, наличие права самостоятельно решать вопрос о формах своей социально-политической жизни, а также реализация которого возможна только в случае точно определённого перечня критериев применения данного принципа [6].

Переходя к рассмотрению вопроса связанного с определением сущности и обеспечением принципа территориальной целостности государств, в первую очередь необходимо отметить, что принцип территориальной целостности занимает ведущее место в системе основных принципов международного права, является важнейшим средством обеспечения государственного суверенитета, ведь именно территория – обязательный признак любого государства, сфера действия его суверенитета.

Как видим, территориальная целостность защищается теми же международными документами, которыми гарантируется и право народов на самоопределение. В них встречаются положения, которые не согласованы между собой в соответствии с требованиями логики. К примеру, в Декларации о принципах международного права 1970 г. указано, что «каждое государство обязано содействовать с помощью общих и индивидуальных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава ООН», что самоопределение может осуществляться в форме «создания суверенного и независимого государства» или «свободного присоединения к независимому государству» [3].

В то же время в указанном документе провозглашается следующее: «ничто в приведенных выше абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств» [4]. Получается, что государства обязаны обеспечить собственному народу возможность выйти из своего состава, но при этом им гарантируется право неприкосновенности границ, то есть право не предоставлять свои земли другим государствам. Если учесть, что к таким «другим» следует отнести также этнические группы, которые стремятся создать новое государство, то возникает ситуация, когда последним позволяется строить собственную государственность, но не гарантируется возможность получения определенных территорий. Однако создать новое государство без определенных территорий невозможно, так как именно наличие территории является необходимостью и атрибутом государственности в соответствии с положениями Конвенция Монтевидео 1933 г. Самоопределение в виде сепарации может не нарушать право на сохранение территориальной целостности только в случае, когда часть населения отсоединяется без территории и осуществляет процесс, который характеризуется как возвращение представителей какого-то этноса на свою историческую родину и воссоединение его со своим национально-культурным целым.

Несоответствие принципов самоопределения и территориальной целостности объясняется тем, что они предназначались для урегулирования различных отношений. Самоопределение касалось отношений между государством и его частями, а

сохранение территориальной целостности должно определять отношения между различными государствами с целью предотвращения их вмешательства в дела друг друга. Однако в дефинициях указанных понятий четко не отмечалось, каких именно отношений они касаются. Даже если бы это и было сделано, все равно оставался бы без ответа вопрос о том, как удовлетворить стремление государства не потерять свои земли и обеспечить возможность какой-то части населения построить собственное государство [7].

Таким образом, сущность принципа территориальной целостности заключается в защите территории государства от каких – либо посягательств, в том числе и внутренних. В случае реализации принципа самоопределения народов и наций, обязательно должно быть соблюдено условие, а именно, сохранение территориальной целостности государства. Реализация права наций на самоопределение, бесспорно, является угрозой территориальной целостности государства, но эта угроза прямо пропорционально зависит от уважения государства к правам и интересам каждой нации.

Однако сложность в реализации принципа самоопределения заключается также и в отсутствии точных формальных критериев его применения. В итоге каждый субъект, отстаивающий право на самоопределение, трактовал и трактует его по-своему, в зависимости от конкретных интересов, чаще всего политических.

В связи с этим можно предложить следующие критерии применения принципа самоопределение народов:

1. Все народы имеют право на самоопределение.
2. Выявление воли народа должно происходить путем референдума, который обеспечивает подлинную свободу волеизъявления (без принуждения, угроз, давления и вмешательства извне), может считаться действительно отражающим волю народа.
3. Самоопределение наций должно осуществляться только в рамках права народов на самоопределение и не может противопоставляться последнему.
4. Реализация принципа самоопределения народов не должна вступать в противоречие с другим основополагающим принципом международного права – принципом территориальной целостности. При этом необходимо отметить следующее:
 - принципы международного права нельзя противопоставлять друг другу, между ними существует равновесие и отсутствует иерархия;
 - сепаратизм не является нарушением принципа территориальной целостности. Нарушением этого принципа является вооруженная поддержка сепаратистского движения иностранным государством.
5. Возможность реализации права на самоопределение может возникнуть применительно к меньшинствам, но при этом должны быть соблюдены такие условия:
 - меньшинство должно быть компактно проживающим;
 - речь идет уже не о национальной или этнической общине (то есть не о меньшинстве в изначальном смысле), а о народе. После того как государства (свое государство или международное сообщество) начинают признавать меньшинство в качестве нации или народа, оно перестает быть меньшинством в строгом юридическом смысле. И только в этом случае может возникнуть вопрос о реализации им права на самоопределение (не обязательно сразу же в форме отделения).

6. Признание международным сообществом определённых народов в качестве зависимых, и дальнейшее обретение ими права на самоопределение находится под контролем международного сообщества.

7. Все участники международных отношений обязаны уважать право на самоопределение народа.

8. Усиление существующих наднациональных структур, которые имели бы возможность влиять на внутренние дела государств в вопросах, касающихся прав человека. При этом необходимо чётко проработать механизмы, позволяющие международному сообществу влиять на государства в случае нарушения права народов на самоопределение.

9. Ущемление прав национальных общностей, групп, народов.

Таким образом, необходимо отметить следующее, не следует рассматривать реализацию народом, нацией права на самоопределение и с другой стороны защита государством территориальной целостности как взаимоисключающие явления. Такая позиция подтверждается, во-первых, возможностью их комплексного, гармоничного сочетания путем внедрения института автономии. Во-вторых, первое из указанных явлений должно рассматриваться как исключение из второго. Ни один из указанных принципов не имеет превосходства над другим, пока приоритетность одного из них не обусловлена индивидуальными обстоятельствами, весомыми и бесспорными.

Список источников

1. Гуго Гроций. О праве войны и мира (1625) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lektsia.com/6x3765.html> (дата обращения: 16.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Дмитриев, А. И. Международное публичное право: учеб. пособие / А. И. Дмитриев, В. И. Муравьев. – М.: Одиссей, 2001. – 239 с.
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 г. / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.rs> (дата обращения: 28.02.2019). – Загл. с экрана.
4. Заключительный акт Совещания по Безопасности и сотрудничеству в Европе: Совершено в Хельсинки 1 августа 1975 г. / Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://larevolution.ru> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
5. //Витрянск, С. В. Территориальная целостность государств в международном правовом и геополитическом измерениях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Международное право; Конституционное право / Витрянск Сергей Владимирович. – М., 2003. – 162 с.
6. Тимошев, Р. М. Право наций на самоопределение и современные межнациональные конфликты / Р. М. Тимошев // Государство и право. Юридические науки. – 2018. – Вып. № 12: Армия и общество. – С. 211–223.
7. //Гогорян, С. Л. Соотношение принципа территориальной целостности и принципа права наций на самоопределение в решении нагорно-карабахского вопроса / С. Л. Гогорян // Государство и право. Юридические науки. – 2017. – Вып. № 5: Юристы-Правоведы. – С. 14–22.

Поступила в редакцию 29.12.2020 г.

ENSURING THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SELF-DETERMINATION OF PEOPLES AND NATIONS IN THE CONTEXT OF NOT VIOLATING THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY

This paper explores the theoretical and legal foundations of the principle of territorial integrity of states, the right of peoples to self-determination, analyzes the history of the formation and consolidation of these principles in international legal acts, examines the relationship between the principle of territorial integrity of states and the right of peoples to self-determination.

Keywords: the principle of territorial integrity, the principle of self-determination of peoples and nations, international legal acts, international organizations, secession.

Савченко Анастасия Александровна
аспирант кафедры конституционного и
международного права, старший
преподаватель кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

Сысоев Дмитрий Викторович
студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк
E-mail: 29dimonvs@gmail.com

Savchenko Anastasia
Graduate student of the Department of
constitutional and international law Senior
Lecturer at the Department of constitutional
and international law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.a.sav4enko@mail.ru

Sysoev Dmitriy
law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: 29dimonvs@gmail.com

УДК 342.843.5:004-024.87

Тимофеева А. А.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

В статье осуществлен обзор формирования и современного состояния законодательной базы относительно дистанционного электронного голосования как формы реализации избирательного права на основе нормативных актов Российской Федерации. Установлено, что на сегодняшний день в российском избирательном праве существуют предпосылки для дальнейшего использования дистанционного электронного голосования. К ним относится, прежде всего, законодательное закрепление в нормативных актах Российской Федерации понятия дистанционного электронного голосования. Также наблюдаются попытки активного внедрения и применения на практике дистанционной формы голосования, а результаты проведенных экспериментов все чаще оцениваются специалистами положительно. Однако существует необходимость дальнейшего развития российского избирательного права, а именно четкой регламентации процедуры проведения дистанционного электронного голосования.

Ключевые слова: избирательное право, принципы избирательного права, дистанционное, электронное голосование

В современных условиях в связи с распространением коронавирусной инфекции, вызванной 2019-пCoУ, особую актуальность приобретает расширение возможностей использования активного избирательного права граждан посредством электронных технологий. Одним из способов выступает дистанционное электронное голосование, целью которого является создание наиболее эффективных механизмов дистанционного голосования и соответственно повышение степени заинтересованности граждан в участии в избирательном процессе.

Таким образом, целью данного исследования является изучение и анализ формирования и современного состояния законодательной базы относительно дистанционного электронного голосования как формы реализации избирательного права на основе нормативно-правовых актов Российской Федерации.

Следует отметить, что впервые термин «электронное голосование» (electronic(al) voting – evoting) был введен в 1960-х годах в США и подразумевал, что волеизъявление голосующих избирателей выражается с помощью электронных средств. При этом для голосования применялись специальные перфокарты, позволяющие компьютерной системе при помощи оптического сканирования считывать информацию о волеизъявлении избирателя.

Несомненно, любые новшества вызывают множество споров и сомнений. Не является исключением и вопрос применения дистанционного электронного

голосования. Прежде всего, это касается выработки правовой базы регулирования данной формы голосования.

В частности, существуют опасения, что дистанционное электронное голосование может противоречить некоторым из основополагающих принципов избирательного права, закрепленным в нормативных актах общемирового значения:

- во Всеобщей декларации прав человека 1948 года (ст. 21), в соответствии с которой, выборы должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования [1];

- в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года (ст. 25): «Каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей» [2];

- в Протоколе № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ст. 3 «Право на свободные выборы») [3];

- в документе Копенгагенского совещания конференции по вопросам человеческого измерения ОБСЕ 1990 года [4], где говорится о свободных выборах, проводимых через разумные промежутки времени путем тайного голосования или равноценной процедуры свободного голосования в условиях, которые обеспечивают на практике свободное выражение мнения избирателями при выборе своих представителей и др.

Учитывая положения вышеуказанных международно-правовых актов, речь идет о возможных нарушениях следующих принципов: принципа тайного голосования, принципа гласности и принципа достоверности результатов.

Так, по мнению А. В. Павлушкина и А. Е. Постникова наряду с преимуществами дистанционного электронного голосования возможно ненадлежащее обеспечение тайны голосования в условиях необходимости идентификации избирателей перед проведением голосования и сохранения доказательственной силы информации о сделанном волеизъявлении. Проблема соблюдения принципа гласности связана с трудностями общественного контроля за ходом выборов и процессом подсчета голосов, как со стороны непосредственных участников избирательных кампаний, так и общественности. Также авторы предполагают возможность различных способов неправомерных вмешательств в работу системы обработки голосов избирателей и т.д. [5]. Следует отметить, что данные взгляды появились на начальном этапе формирования дистанционной формы голосования и в процессе последующих попыток применения данной формы голосования не подтвердились.

Первое правовое определение электронного голосования было дано в 2004 году в Рекомендации Rec (2004)11 Комитета Министров государств – членов Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования, где под электронным голосованием понимались электронные выборы или электронный референдум, включающие использование электронных средств как минимум при подаче голосов.

В этом же документе определялось дистанционное электронное голосование – электронное голосование, при котором подача голоса осуществляется посредством устройства, неподконтрольного сотруднику избирательных органов [6].

Далее на 1289-м заседании Комитета Министров Совета Европы в 2017 г. были приняты новые Рекомендации «О правилах электронного голосования», в которых признаются утратившими силу Рекомендации 2004 г. В данном документе электронное голосование определяется как «использование электронных средств для подачи и/или подсчета голосов», а также дано определение дистанционному голосованию как использованию электронных средств подачи голоса за пределами помещений, в которых обычно проходит голосование [7].

Помимо определения электронного и дистанционного электронного голосования в Рекомендациях также указывается, что «электронное голосование, являющееся безопасным, достоверным, эффективным, технически оснащенным, открытым для независимой проверки и доступным, может укрепить доверие общества» к органам, проводящим выборы, которое, в свою очередь, «является предпосылкой для проведения электронного голосования».

В связи с этим страны, стремящиеся к использованию электронного голосования на выборах, должны заблаговременно решить ряд правовых, организационных и технических вопросов, ответы на которые содержатся в Рекомендациях.

В российское избирательное законодательство термин «электронное голосование» был введен в 2005 г. Согласно п. 62 ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [8] (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) «электронное голосование – голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы»» (прим. авт. – Государственная автоматизированная система «Выборы»). Данная система призвана обеспечить сбор, передачу, обработку и хранение информации о выборах и результатах голосования. Изначально внедрение ГАС «Выборы» было направлено на повышение «прозрачности» избирательного процесса, что предполагает доверие избирателей к процедуре голосования и достоверности результатов. Тем не менее, специалисты признают вероятность риска безопасности.

Позже в соответствующее законодательство был внесен ряд изменений. Так, Федеральным законом от 29 мая 2019 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» формулировка «комплекс средств автоматизации ГАС «Выборы» была заменена на «технические средства» [9].

Соответственно, электронное голосование – голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием технического средства.

Дополнительно следует отметить, что претерпел изменений и Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Так, п. 62 ст. 2 был дополнен подпунктом 1, в соответствии с которым дистанционное электронное голосование – голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения [10].

Отметим, что в данном законе отсутствуют нормы, которые непосредственно регулируют саму процедуру проведения дистанционного электронного голосования. В связи с этим возникает необходимость внесения дополнений в Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», касающихся закрепления конкретных способов и порядка проведения дистанционного электронного голосования.

Помимо вышеперечисленных законов относительно внедрения и применения дистанционного электронного голосования были приняты следующие нормативные акты:

– Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». В ст. 2 данного закона дается определение дистанционного электронного голосования с четким указанием на уровень выборов. Соответственно под дистанционным электронным голосованием понимается голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы [11].

Причем сейчас уже можно говорить и о практике применения дистанционного электронного голосования. Так, во исполнение норм вышеуказанного закона впервые в России 8 сентября 2019 года на выборах депутатов Московской городской думы были применены цифровые избирательные участки. В электронном голосовании приняли участие 92,3 % зарегистрированных избирателей трех округов г. Москвы.

– Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве», позволяющий проводить дистанционное электронное голосование на выборах всех уровней. Законом вводится понятие «дистанционное электронное голосование», аналогичное ранее уже закреплённому понятию в Федеральном законе № 67-ФЗ [12].

Надо подчеркнуть, что Центральная избирательная комиссия Российской Федерации наделена полномочиями по конкретизации отдельных процедурных моментов, не урегулированных Федеральным законом № 67-ФЗ. В связи с этим, начиная с 2006 г., был принят ряд постановлений относительно дистанционного электронного голосования, но на сегодняшний день некоторые из них признаны утратившими силу.

Так, Центральной избирательной комиссией было принято Постановление от 07 сентября 2011 г. № 31/276-6 (ред. от 12 августа 2015 г.) «О Порядке электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации», устанавливающее порядок электронного голосования и др.

Одним из последних на сегодняшний день является Постановление от 04 июня 2020 г. № 251/1850-7 «О порядке дистанционного электронного голосования при проведении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» [13].

В соответствии с данным постановлением принять участие в дистанционном электронном голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской

Федерации могли граждане, зарегистрированные по месту жительства на территории Нижегородской области и в городе Москве. С 25 июня по 1 июля возможностью проголосовать дистанционно воспользовалось более 1 млн. человек, а «явка» составила около 93 % [14]. Учитывая данные показатели, можно говорить о заинтересованности и принятии дистанционной формы голосования населением.

При этом можно говорить о положительной динамике внедрения форм электронного голосования, а в данном случае – дистанционного. Поскольку, по мнению М. Ю. Мостовой и С. В. Хамутовской данная форма имеет существенные достоинства, такие как:

- преимущества для избирателей: возможность проголосовать из дома, с работы, что особенно удобно для граждан, которые проживают в труднодоступных и отдаленных местностях, за границей, и для лиц с ограниченными возможностями; осуществление волеизъявления в удобное для избирателей время, поскольку выборы могут проводиться не в один специально назначенный для этого день, а в течение нескольких дней;

- преимущества для членов избирательной комиссии: возможность самостоятельно проголосовать дома при помощи компьютера или мобильного телефона исключает необходимость выезда членов избирательной комиссии на дом к лицам, которые не могут проголосовать на избирательном участке (инвалиды, пенсионеры и т.д.); членам избирательной комиссии не придется осуществлять сложнейшую процедуру открепления и перерегистрации избирателей по месту их фактического проживания.

Помимо перечисленных преимуществ, следует отметить повышение электоральной активности, сокращение времени подготовки к самим выборам, референдумам; ускорение подведения итогов голосования, удобство и упрощение самого процесса, значительное сокращение времени подсчета голосов, что способствует минимизации фальсификаций, несанкционированному вмешательству в избирательный процесс. Немаловажным фактором выступает и финансовая составляющая – сокращение расходов на подготовку списков избирателей, бюллетеней, урн и содержание комиссий [15; 16, с. 31].

Глава Центризбиркома отмечает дальнейшее использование и совершенствование системы дистанционного электронного голосования на выборах разного уровня, в частности, осенью 2021 года данная форма голосования будет использоваться на выборах в Госдуму [17].

Таким образом, можно сказать о наличии предпосылок для дальнейшего использования дистанционного электронного голосования как формы реализации избирательного права. Так, к ним можно отнести законодательное закрепление в нормативных актах Российской Федерации понятия дистанционного электронного голосования – голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения. Также наблюдаются попытки активного внедрения и применения на практике дистанционной формы голосования, а результаты проведенных экспериментов все чаще оцениваются специалистами положительно. Однако существует необходимость дальнейшего развития российского избирательного права, а именно четкой регламентации процедуры проведения дистанционного электронного голосования.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (20.03.1952) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
4. Документ Копенгагенского совещания конференции по вопросам человеческого измерения СБСЕ от 29 июня 1990 года / Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304> (дата обращения: 19.12.2020). – Загл. с экрана.
5. Павлушкин, А. В. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) / А. В. Павлушкин, А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2009. – № 11. – С. 5–13.
6. Фонд развития электронной демократии. Стандарты совета Европы в области электронного голосования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: idemocracy.ru/projects/articles/43-стандарты-совета-европы-в-области-электронного-голосования.html (дата обращения: 22.12.2020). – Загл. с экрана.
7. Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2017. – № 11(185). – С. 144–149.
8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2020). – Загл. с экрана.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2019 г. № 104-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325538/ (дата обращения: 22.12.2020). – Загл. с экрана.
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 154-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353206/ (дата обращения: 22.12.2020). – Загл. с экрана.
11. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва: Федеральный закон от 29.05.2019 г. № 103-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72153876/> (дата обращения: 22.12.2020). – Загл. с экрана.
12. О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве: Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73960092/> (дата обращения: 23.12.2020). – Загл. с экрана.
13. О порядке дистанционного электронного голосования при проведении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию

Российской Федерации: Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 04.06.2020 г. № 251/1850-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74130857/> (дата обращения: 23.12.2020). – Загл. с экрана.

14. Сергей Собянин: Явка на электронное голосование составила 93 % / Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/mayor/themes/1299/6628050/> (дата обращения: 25.12.2020). – Загл. с экрана.

15. Мостовая, М. Ю. Электронная демократия в избирательной системе Украины: долгожданная реальность или утопия? М. Ю. Мостовая // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Право. – 2013. – № 5. – С. 218–222.

16. Хамутовская, С. Новые технологии голосования: зарубежный опыт / С. Хамутовская // Наука и инновации. – 2019. – № 195. – С. 29–32.

17. Элла Памфилова: «Мы надеемся создать не просто самую удобную, но и самую неувязимую и безопасную систему дистанционного электронного голосования» / Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/news/cec/47283/> (дата обращения: 25.12.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 14.01.2021 г.

THE LEGAL FRAMEWORK REMOTE ELECTRONIC VOTING AS FORMS OF REALIZATION OF THE ELECTORAL RIGHT

The article reviews the formation and current state of the legislative framework regarding remote electronic voting as a form of implementation of the electoral right on the basis of normative acts of the Russian Federation. It is established that today in the Russian electoral law there are prerequisites for the further use of remote electronic voting. These include, first of all, the legislative consolidation of the concept of remote electronic voting in the normative acts of the Russian Federation. There are also attempts to actively introduce and apply the remote form of voting in practice, and the results of the experiments are increasingly evaluated positively by experts. However, there is a need for further development of Russian electoral law, namely a clear regulation of the procedure for conducting remote electronic voting.

Keywords: electoral law, principles of electoral law, remote, electronic voting

Тимофеева Анна Анатольевна
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: aries_a@rambler.ru

Timofeeva Anna
Senior Lecturer of the Department of
Constitutional and International Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: aries_a@rambler.ru

УДК 343.31

Тимошенко Н. А.
Свиридова К. Е.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В последнее время проблема кадрового обеспечения информационной безопасности привлекает к себе повышенное внимание. Эффективное развитие любого государства невозможно без высококвалифицированных кадров в государственных или иных структурах. В связи с этим в статье рассматриваются вопросы правового обеспечения кадровой безопасности, оценивается важность требований по вопросу кадровой безопасности в системе международных стандартов и стандартов России, анализируется перспектива внедрения стандартизации кадров по обеспечению информационной безопасности Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: информационная безопасность, кадровая безопасность, кадровые уязвимости, стандартизация.

Возрастание роли и интенсивное использование современных информационных технологий в настоящее время способствует качественным изменениям почти в каждой сфере общественной жизни индивида. Современное общество проходит этап формирования нового информационного поколения. Однако развитие данного феномена, несмотря на своё положительное влияние на благосостояние отдельного гражданина, общества и государства в целом, имеет и негативную окраску. Так, возрастает рост угроз национальной безопасности, связанных с нарушением установленных режимов использования информационных и коммуникационных систем, ущемлением конституционных прав граждан, распространением вредоносных программ, а также с использованием возможностей современных информационных технологий для осуществления враждебных, террористических и других преступных действий [1].

Существенное противодействие распространению данных преступных действий может оказать грамотная политика подготовки кадров в сфере информационной безопасности государства.

В связи с этим, целью данного исследования является анализ нормативно-правовой базы, посвященной регулированию вопроса кадрового обеспечения информационной безопасности государства.

На сегодняшний день вопрос о кадровых уязвимостях информационной безопасности становится все более актуальным. По данным Экспертно-аналитического центра InfoWatch за девять месяцев 2020 года в мире зарегистрировано на 7,4 % меньше утечек, чем за аналогичный период прошлого года. В России за тот же период

© Тимошенко Н. А., Свиридова К. Е., 2020

число утечек, наоборот, возросло на 5,6 %. В России доля утечек по вине сотрудников вдвое выше, чем в мире, – более 72 %. Доля утечек, сопряженных с мошенническими действиями, в России превышает 10 %, в мире она втрое ниже [2].

Обращаясь к опыту Российской Федерации (далее – РФ) следует отметить, что основные направления обеспечения информационной безопасности государства отображены в Доктрине информационной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 [3]. Этот документ представлен в виде системы мнений на процессы обеспечения национальной безопасности страны в информационной среде. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации относит развитие и совершенствование системы подготовки кадров, работающих в сфере обеспечения информационной безопасности, к первоочередным задачам государственной политики. Помимо этого, задачи кадрового обеспечения вошли отдельным разделом в Перечень приоритетных направлений научных исследований в области информационной безопасности Российской Федерации, утверждённого Секретарем Совета Безопасности РФ [4]. Как отмечает Мовчан И.Н., необходимость подготовки специалистов по данному направлению обусловливается следующими фактами:

- информационная безопасность является важной отраслью прикладной и теоретической информатики;
- информационные системы, сервисы телекоммуникационных сетей, электронные платежные структуры являются неотъемлемой частью жизнедеятельности современного человека;
- вопросы национальной безопасности применительно к информационной сфере значительно влияют на состояние политической, экономической и оборонной безопасности России [5].

В своём исследовании Малюк А. А. указывает на то, что большинство злоумышленников используют не столько недостатки оборудования и программного обеспечения, сколько отсутствие должной дисциплины, контроля на рабочих местах пользователей, «необучаемость» и неадекватность персонала. Поэтому исключительное значение приобретает кадровое обеспечение развития информационных технологий вообще и информационной безопасности в частности [6].

Поляков А. В. обозначил степень участия персонала в создании, эксплуатации и функционировании системы информационной безопасности организации как основополагающую проблему безопасности, так как сотрудники организации одновременно являются неотъемлемой частью системы информационной безопасности и основным источником угроз [7].

Однако, несмотря на всю важность и приоритетность данного направления в настоящее время существует нормативная недооценка угроз и уязвимостей, связанных с персоналом. Так, по нашему мнению, вопросу кадровых уязвимостей информационной безопасности в законодательной базе Российской Федерации уделяется недостаточное внимание. Вместе с тем, в настоящее время разработаны стандарты по информационной безопасности, в которых затрагиваются вопросы кадровой безопасности. Так, в качестве примера можно привести систему стандартов

в области информационной безопасности, в которой затронута проблема персонала, разработанная Центральным банком РФ. Основным стандартом в данной системе является СТО БР ИББС-1.0-2014 «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» (далее – стандарт СТО БР ИББС-1.0-2014). Особое внимание в вышеназванном стандарте уделяется угрозам, которые непосредственно связаны с персоналом. К основным источникам угроз причисляются работники организации банковской системы РФ, реализующие угрозы информационной безопасности с использованием легально или вне легально полученных прав и полномочий [8, с. 67].

В соответствии с п. 5.4 стандарта СТО БР ИББС-1.0-2014, «Наибольшими возможностями для нанесения ущерба организации банковской системы РФ обладает ее собственный персонал. В этом случае содержанием деятельности злоумышленника является прямое нецелевое использование предоставленного ему в порядке выполнения служебных обязанностей контроля над активами либо нерегламентированная деятельность для получения контроля над активами. При этом он будет стремиться к сокрытию следов своей деятельности» [9]. В данной норме подчеркивается важность кадровых уязвимостей в сфере информационной безопасности банковской системы РФ.

Также в п. 7.2 определены следующие общие требования по обеспечению информационной безопасности при назначении и распределении ролей и обеспечении доверия к персоналу:

- выделение и документальное определение роли работников;
- персонификация и установление ответственности; документальное определение процедуры приема на работу, влияющую на обеспечение информационной безопасности (проверка подлинности предоставленных документов, заявляемой квалификации, точности и полноты биографических фактов; проверка в части профессиональных навыков и оценка профессиональной пригодности);
- регулярная проверка (с документальной фиксацией результатов) в части профессиональных навыков и оценки профессиональной пригодности работников;
- внеплановые проверки (с документальной фиксацией результатов) при выявлении фактов их нештатного поведения, участия в инцидентах информационной безопасности или подозрений в таком поведении или участии;
- письменное обязательство работников о соблюдении конфиденциальности, приверженности правилам корпоративной этики, включая требования по недопущению конфликта интересов [10].

Анализируя вопрос системы подготовки кадров в сфере обеспечения информационной безопасности, считается целесообразным рассмотреть имеющийся мировой опыт в данной области. Так, в настоящее время Международный стандарт ISO/IEC 17799:2000 (BS 7799-1:2000) «Управление информационной безопасностью – Информационные технологии. – Information technology- Information security management» является наиболее известным стандартом в области защиты информации. Данный стандарт был разработан на основе первой части Британского стандарта BS 7799-1:1995 «Практические рекомендации по управлению информационной безопасностью» (Information security management – Part 1: Code of

practice for information security management») и относится к новому поколению стандартов информационной безопасности компьютерных информационных систем. Текущая версия стандарта ISO/IEC 17799:2000 (BS 7799-1:2000) рассматривает актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности организаций и предприятий, среди которых особое внимание уделяется кадровому менеджменту и информационной безопасности, физической безопасности, а также управлению доступом [11, с. 289].

Если рассматривать законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) в области обеспечения кадровой безопасности в системе информационной безопасности государства, следует обозначить, что, несмотря на отсутствие разработанных по этому направлению нормативных правовых актов ранее, в данный момент идёт активная разработка законопроектов, направленных на гармонизацию республиканской нормативной правовой базы с законодательством Российской Федерации, в частности с федеральными законами «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Так, приоритетным направлением политики Народного Совета ДНР в данной сфере является повышение уровня информационной безопасности субъектов государственного сектора, защиты данных, содержащихся в объектах критической информационной инфраструктуры, а также оперативного пресечения противоправной деятельности лиц, действия которых могут нанести ущерб государственной безопасности, жизни и здоровью граждан. В частности, необходимость разработки и усовершенствования нормативной базы в этой сфере связана с недопущением неправомерного доступа, уничтожения, блокирования, копирования, распространения информации, циркулирующей в информационном пространстве Республики. В свою очередь это всё немислимо реализовать без правильно подобранных кадров. В связи с этим считается целесообразным разработка и внедрение стандартов, которые уже активно используются как в РФ, так и за рубежом, для персонала непосредственно связанных с осуществлением информационной безопасности в различных сферах профессиональной деятельности. Данные стандарты должны содержать в себе такие разделы как:

- основные угрозы и нарушители информационной безопасности организаций; система информационной безопасности организаций;
- общие требования по обеспечению информационной безопасности организации;
- требования к принятию решений по улучшениям системы обеспечения информационной безопасности и т.д.

Особое внимание должно быть направлено на установление перечня документов и сведений, являющихся коммерческой тайной, положение о системе доступа к таким документам, а также порядок учета, хранения и организации работы с ними.

Так же, представляется, что исключительное значение проблемы информационной безопасности в реализации обеспечения национальной безопасности, помимо внедрения стандартов, требует разработки специальной целевой программы, которая освещала бы вопросы развития системы подготовки кадров в области обеспечения информационной безопасности, предусматривающая формирование профессионального образования, новых направлений и специальностей на определенный плановый период.

Список источников

1. Аджемов, А. С. Подготовка кадров в области обеспечения информационной безопасности в России // Федеральный справочник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/BEZOPASNOST/soderghanie/NB%20I/IX/Adgemov.pdf> (дата обращения: 30.01.2021). – Загл. с экрана.
2. Утечки информации ограниченного доступа: отчет за 9 месяцев 2020 г. Экспертно-аналитический центр InfoWatch. 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infowatch.ru/analytics/reports/30708> (дата обращения: 31.01.2021). – Загл. с экрана.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждённая указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/ (дата обращения: 31.01.2021). – Загл. с экрана.
4. Выписка из Основных направлений научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации / Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document155/> (дата обращения: 30.01.2021). – Загл. с экрана.
5. Мовчан, И. Н. Проблемы подготовки специалистов в области информационной безопасности / И. Н. Мовчан // Открытое образование. 2013. – № 5. – С. 78–80.
6. Малюк, А. А. Кадровое обеспечение информационной безопасности / А. А. Малюк // Государственная служба. – 2011. – № 5. – С. 75–79.
7. Поляков, А. В. Место и роль персонала в информационной безопасности организации / А. В. Поляков // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 5. – С. 130–136.
8. Ульянов, Н. Л. Проблема кадровой безопасности в системе стандартов информационной безопасности банка России / Н. Л. Ульянов, Л. В. Астахова // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. – 2014. – № 4(14). – С. 66–70.
9. Стандарт Банка России СТО БР ИББС-1.0-2014 «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» (принят и введен в действие распоряжением Банка России от 17 мая 2014 г. № Р-399) / СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70567254/> (дата обращения: 31.01.2021). – Загл. с экрана.
10. Астахова, Л. В. Проблема идентификации и оценки кадровых уязвимостей информационной безопасности организации / Л. В. Астахова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. – 2013. – № 1. – С. 79–83.
11. Варфоломеев, А. А. Основы информационной безопасности: учеб. пособие / А. А. Варфоломеев. – М.: РУДН, 2008. – 412 с.

Поступила в редакцию 02.02.2021 г.

LEGAL SUPPORT OF PERSONNEL SECURITY IN THE INFORMATION SECURITY SYSTEM OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Recently, the problem of staffing information security has attracted increased attention. The effective development of any state is impossible without highly qualified personnel in government or other structures. In this regard, the article discusses the issues of legal support of personnel security, assesses the importance of requirements on the issue of personnel security in the system of international

standards and standards of Russia, analyzes the prospect of introducing standardization of personnel to ensure information security of the Donetsk People's Republic.

Keywords: information security, personnel security, personnel vulnerabilities, standardization.

Тимошенко Нина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: n.timowenko@gmail.com

Timoshenko Nina

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk

E-mail: n.timowenko@gmail.com

Свиридова Кристина Евгеньевна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: sviridova.1598@gmail.com

Sviridova Kristina

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk

E-mail: sviridova.1598@gmail.com

УДК 343.3

Тимошенко Н. А.
Шишкина Ю. Р.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В данной работе рассмотрены точки зрения различных авторов относительно интерпретации действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение человеческого достоинства, выделены некоторые проблемы данного состава преступления и предложены пути их решения. Автором аргументируется вывод о необходимости конкретизации определенных в диспозиции ст. 328 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) деяний и разработки четких критериев разграничения преступного и не преступного поведения.

Ключевые слова: возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, преступления экстремистской направленности, направленность деяния, проблемы квалификации.

Статьей 328 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики предусматривается уголовная ответственность за возбуждение ненависти и вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Под этим, в соответствии с диспозицией данной нормы, законодателем подразумеваются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации.

Одной из наиболее существенных проблем данного состава преступления является то, что законодательство не раскрывает понятия таких действий, не устанавливает их перечень, в связи с чем в настоящее время прослеживается тенденция к расширительному толкованию рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Вариант изложения диспозиции, предложенный в ст. 328 УК ДНР представляется довольно неоднозначным и, на наш взгляд, нуждается в конкретизации. Абстрактность формулировок действий, направленных на возбуждение вражды и розни, может повлечь за собой злоупотребление и неправильное применение со стороны следственных органов [1, с. 341].

Данный тезис подкрепляется рядом приговоров судов Российской Федерации, вынесенных в отношении лиц, разместивших в сети Интернет материалы, которые были ошибочно восприняты в оскорбительном контексте, и, по мнению заявителей, могли возбудить ненависть либо вражду, а также унижить человеческое достоинство.

© Тимошенко Н. А., Шишкина Ю. Р., 2020

Уязвимость этой формулировки, как справедливо отметили А. Р. Ратинов, М. В. Кроз и Н. А. Ратинова, состоит в том, что она, не определяя объективных, т.е. доступных наблюдению и подлежащих доказыванию поведенческих признаков деяния (события), ограничивается указанием лишь на направленность действий [2, с. 35].

Единое мнение относительно конкретизации действий, посредством которых может выполняться объективная сторона, в юридической литературе на данный момент отсутствует. Одни авторы полагают, что под возбуждением ненависти либо вражды понимается попытка создать конфликты между гражданами по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе [3, с. 69].

По мнению других, «возбуждающей» в контексте данной статьи является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой, конфессиональной (религиозной) или социальной группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них [2, с. 51].

Вместе с тем однозначное установление содержания «отрицательной эмоциональной оценки» либо формирования «негативной установки» в определенной информации зачастую довольно затруднительно ввиду отсутствия объективных юридически значимых фактов, а также четко установленных критериев такой оценки, то есть таких, определение которых не зависит от особенностей эмоционального восприятия данной информации экспертом или любым иным лицом. Поэтому отсутствие внятного разграничения между реальным и кажущимся возбуждением социальной нетерпимости становится все более очевидным. В итоге все сводится к субъективному эмоционально-смысловому фактору, а, следовательно, выявленные в частном порядке признаки «возбуждения ненависти» могут не поддаваться ни однозначному научному подтверждению, ни опровержению, соответственно и уголовно-правовому доказыванию [4, с. 106–107].

В основной массе толковых словарей унижение отождествляется с оскорблением, умалением достоинства [5, с. 835]. С позиции психологии, унижение подразумевает под собой индивидуальные или коллективные действия, подрывающие самооценку другого лица и нацеленные на смещение человека на более низкую социальную ступень, понижение его статуса.

В уголовно-правовой литературе термин «унижение» также интерпретируется по-разному. Одними авторами акцент делается непосредственно на результат унижающих действий. Так, И. М. Гальпериным унижение трактуется как отрицательная оценка, которая подрывает моральный престиж личности в глазах окружающих, наносит ущерб уважению потерпевшего к самому себе. С точки зрения Ф. Р. Сандурова и М. В. Талана, унижение достоинства человека представляет собой выражение дискриминационного отношения к определенному лицу или группе лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения и др. [6, с. 642]. Внимание же других специалистов акцентируется на направленности действий. О. Ф. Шишовым выдвигается позиция, что под унижением следует понимать действие, направленное против одного или нескольких лиц в целях дискредитации, подрыва морального престижа и авторитета

потерпевших. В иных источниках унижение рассматривается как негативная, отрицательная оценка личности [7]. Также высказывается мнение, в соответствии с которым унижение есть действие, по своим объективным свойствам умаляющее достоинство конкретного человека [8, с. 204].

Разъяснения Верховного Суда Донецкой Народной Республики по данному вопросу отсутствуют, поэтому считаем целесообразным обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Позиция Верховного суда Российской Федерации по данному вопросу такова: под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц.

Из употребления наречия «в частности», применяющегося для выделения чего-либо из общего следует вывод о том, что перечень действий, возбуждающих ненависть либо вражду, а равно унижающих достоинство человека содержится в данном толковании Пленума лишь в общем виде. Исчерпывающего же состава таких действий не приводится, что является одним из существенных недочетов разъяснения, данного в настоящем Постановлении.

При анализе правоприменительной практики судов Российской Федерации становится очевидным тот факт, что зачастую действия лиц, которым вменялась рассматриваемая статья, трактуются неверно и расцениваются как направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства по указанным в диспозиции признакам без учета контекста, направленности умысла, мотивов и целей, которыми данные лица руководствовались при их совершении.

Так, широкий общественный резонанс приобрело уголовное дело в отношении гражданки Российской Федерации М., разместившей на личной странице в социальной сети материалы юмористического содержания на религиозную и национальную тематику [9, с. 6–7]. По версии следствия, М. осуществляла поиск изображений «с тематикой неприятия к лицам негроидной расы, а также отрицательного характера священнослужителей» и добавляла подобные материалы в один из альбомов на странице в социальной сети. Действия данного лица были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и ч. 1 ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий».

Следует отметить, что в Российской Федерации до принятия Пленумом Верховного Суда Постановления от 20 сентября 2018 г. № 32 г. Москва «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»» существовала тенденция к росту возбуждаемости подобных уголовных дел. Данное Постановление в значительной мере конкретизировало ряд проблемных моментов, предоставило рекомендации

относительно квалификации некоторых деяний, которые ранее были ошибочно восприняты в оскорбительном ключе.

Другим немаловажным этапом конкретизации уголовного законодательства по освещаемому вопросу в Российской Федерации стало введение административной преюдиции для данной статьи. Таким образом, уголовная ответственность по ст. 282 УК РФ, являющейся аналогичной ст. 328 УК ДНР, наступает в случае, если предусмотренные диспозицией статьи деяния были совершены лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Такой подход представляется нам верным по ряду причин. При его реализации гарантируется равным образом охрана общественных отношений от преступных посягательств и защита от беспочвенного уголовного преследования. Наряду с этим обеспечивается либерализация уголовного законодательства в данной сфере, что находится в тесной взаимосвязи с конституционным принципом свободы мысли и слова, являющимся одним из основополагающих основ формирования демократического государства.

Подводя итоги, следует отметить тот факт, что одной из наиболее актуальных проблем уголовного законодательства Донецкой Народной Республики по праву является отсутствие детально сформулированного понятийного аппарата.

Очевидно, что изложение диспозиции ст. 282 УК ДНР в какой-то мере идет вразрез с конституционным принципом свободы мысли и слова, закрепленным в ч. 1 ст. 22 Конституции Донецкой Народной Республики и допускает его нарушение. Но вместе с тем, именно на рассматриваемую нами норму возлагается функция реализации недопустимости пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду.

Однако, как небезосновательно отмечает А. Э. Жалинский, конституционные нормы, соотносимые с уголовным законом весьма абстрактны [10, с. 301]. Необходимость законодательного признания возбуждения социальной нетерпимости преступным и наказуемым не вызывает сомнений, однако столь обширное негативное социальное явление мы считаем целесообразным разделить на конкретные формирующие его конструктивные составляющие – определенные деяния, и криминализировать лишь те из них, которые несут в себе наибольшую общественную опасность.

Нельзя равным образом исключать тот факт, что различные действия индивида могут восприниматься другими лицами неодинаково. Исходя из этого, рациональным считаем установление четких критериев оценки общественной опасности действий, посредством которых может быть выполнена объективная сторона и критериев разграничения преступного поведения лица от реализации его права на свободу мысли, слова и самовыражения.

Также при инкриминировании отдельным лицам деяний, предусмотренных ст. 328 УК ДНР необходимо в каждом отдельном случае определять, какими целями руководствовалось лицо, какие идеи транслировало, и были ли совершенные им действия в действительности направлены на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека по ряду перечисленных в диспозиции признаков.

Если же речь идет о совершении таких деяний в сети Интернет, следует устанавливать происхождение данного контента, направленность умысла лица, его публикующего, факт размещение контента на своей личной странице либо в открытом доступе для ознакомления неограниченного круга лиц, контекст, частоту публикации подобного контента, его содержание и отношение к данной информации лица, ее опубликовавшего, а также его мировоззрение и деятельность до и после размещения материала, а равным образом иные данные о личности лица, имеющие значение в каждом конкретном случае.

Также полагаем, что оптимальным для исследуемой области уголовно-правового законодательства Донецкой Народной Республики является путь его гуманизации на примере аналогичной нормы, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации и в соответствии международными стандартами.

Список источников

1. Кузнецов, Р. Д. Проблема интерпретации действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды в российском уголовном праве / Р. Д. Кузнецов // Вопросы российской юстиции. Четвертый выпуск. – 2019. – С. 340–345.
2. Ратинов, А. Р. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / А. Р. Ратинов, М. В. Кроз, Н. А. Ратинова; под ред. А. Р. Ратинова. – М., 2005. – 256 с.
3. Можегова, А. А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Можегова Анастасия Анатольевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. – М., 2015. – 169 с.
4. Сергун, Е. П. Актуальные вопросы теории и практики применения ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» / Е. П. Сергун // Правовая культура. – № 1(10). – 2011. – С. 104–111.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, С. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 1376 с.
6. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 943 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный): [в 2 т.] / [А. В. Бриллиантов и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова; Российская акад. правосудия. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2016. – 792 с.
8. Арямов, А. А. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства / А. А. Арямов, В. С. Пономаренко. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 376 с.
9. Васильчук, Т. Как картинка ляжет / Т. Васильчук, В. Докшин // Новая газета. – 2018. – № 86. – С. 6–8.
10. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – М., 2009. – 400 с.

Поступила в редакцию 16.02.2021 г.

**TO THE QUESTION ABOUT INTERPRETATION OF ACTIONS AIMED AT
INCITING HATRED OR HOSTILITY, AS WELL AS THE HUMILIATION OF**

HUMAN DIGNITY IN THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

This work considers the points of view of various authors regarding the interpretation of actions aimed at increasing hatred or enmity, as well as humiliating human dignity, highlights some of the problems of this corpus delicti and suggests ways to solve them. The author argues for the conclusion about the need to concretize those defined in the disposition of art. 328 of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic of acts and the development of clear criteria for distinguishing between criminal and non-criminal behavior.

Keywords: incitement to hatred or enmity, humiliation of human dignity, crimes of an extremist orientation, direction of the act, problems of qualification.

Тимошенко Нина Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»,
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Tymoshenko Nina
Candidate of Legal Sciences, Docent,
Associate Professor of the Department of
Criminal Law and Procedure of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Шишкина Юлия Руслановна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: shishkina.y.r@gmail.com

Shishkina Yuliya
law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: shishkina.y.r@gmail.com

УДК 343.985.1

Хань Г. А.
Осляк Н. В.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ – ОСНОВА ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрены вопросы взаимосвязи криминалистической версии и планирования расследования преступлений. Исследованы понятие и функции криминалистических версий. Предложена классификация криминалистических версий.

Ключевые слова: криминалистическая версия, планирование расследования преступлений.

Термин «версия» в переводе с латинского значит «оборот, видоизменение». Французский вариант этого слова «перевод, толкование». С этим термином обычно связывают одно из нескольких возможных отличающихся друг от друга объяснений или толкований какого-либо одного или иного факта, явления, события [1, с. 85].

Первым о криминалистической версии как об отдельном учении высказался В. И. Громов. Он пришел к выводу, что гипотеза может быть построена не только дедуктивным, но и индуктивным, методом и что любая гипотеза, которая выдвигается в процессе расследования преступления, должна удовлетворять определенным требованиям: 1) она должна основываться на хотя бы и не достаточных, но фактических данных; 2) она не должна противоречить пониманию о фактах, которые логично допустимы и возможные в этих условиях; 3) она должна быть такой, чтобы можно практически проверить [2, с. 89–93].

Термин «версия» был в первый раз введен в научное обращение С. А. Голунским в учебнике по криминалистике, изданном в 1935 году. В этой работе логическая природа версий не рассматривалась, но отмечалось, что они лежат в основе плана расследования и выдвигаются на втором этапе расследования – после проведения начальных следственных действий, в тех случаях, если к этому этапу следователю не удалось получить определенные данные о личности и местонахождении преступника. По мнению С. А. Голунского, перечень следственных действий, необходимых для проверки версий, и составляет план расследования [3, с. 346–347].

П. И. Тарасов-Родионов также рассматривал версии как один из элементов планирования расследования. В учебнике по криминалистике, изданном в 1952 году, он впервые предложил классификацию следственных версий, в частности:

- а) по сущности преступного события и характеру преступления;
- б) по способам и обстоятельствам совершения преступления;
- в) по лицам, которые совершили преступление;
- г) по характеру вины и мотивам совершения преступления [4, с. 19–29].

Как справедливо указывал Я. Пешак, версия является средством познания истины, однако следственная версия является лишь отдельной разновидностью гипотезы, и относится по своему функциональному значению к расследованию преступлений, а планирование расследования, по его же мнению, совмещает всю работу по расследованию в одно целое [5, с. 58].

Единство версий и планирования как взаимообусловленного процесса наиболее широко аргументировал Р. С. Белкин. Он отметил, что выдвижение версий не самоцель, а необходимая предпосылка организации деятельности, для установления истины. За выдвижением версии идет выдвижение из нее всех необходимых следствий, которые являются элементом планирования. Как второй аргумент Р. С. Белкин указывает то, что, разрывая теорию версии и теорию планирования, мы лишаем планирование его основы, превращая в совокупность прагматичных положений. Третий аргумент, в интересах единства теоретических основ версии и планирования заключается в их логической взаимосвязи, потому что версия служит логическим основанием содержания плана расследования. Образуется единая, неразрывно связанная, система: то, что объясняется (имеются фактические данные), – объяснение (версия) – гипотетическая система необходимых аргументов объяснения (следствия из версии) – доказательство или опровержение объяснения (установленные в ходе проверки фактические данные) [3, с. 351–352]. Разделяя мнение Р. С. Белкина относительно единства теории криминалистической версии и планирования расследования, В. Е. Коновалова акцентирует внимание на неравномерности появления и развития отдельных учений и теорий в криминалистике, более успешном развитии одних аспектов и меньшем внимании, к другим [6, с. 116].

По нашему мнению, нет достаточных оснований, разделять версии и планирование расследования, потому что эти понятия логически и функционально взаимообусловленные. Учения о криминалистической версии и планировании расследования составляют единую отдельную криминалистическую теорию. Кроме того, отрывать эту теорию от криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений, рассматривая ее в общих положениях криминалистики, нецелесообразно в практическом смысле.

Невзирая на достаточное количество криминалистической литературы, посвященной рассмотренным вопросам, ряд положений учения о версии имеет дискуссионный характер. Это касается понятийной и классификационной частей этой теории. Все следующие определения криминалистической версии в зависимости от акцентов, которые делают исследователи, можно подразделить на логические, содержательные и функциональные.

Логические определения криминалистических версий в своей совокупности сводятся к тому, что версия является разновидностью гипотезы. Версия в судебном исследовании есть не что иное, как одна из гипотез, одно из возможных предположений, которые объясняют происхождение или свойства отдельных обстоятельств преступления или события преступления в целом. Похожую позицию отстаивает и М. С. Строгович, считая, что по своей логической структуре версия является видом, формой гипотезы и проверка каждой версии происходит тем же путем, которым проверяются гипотезы в любой сфере научной или практической

деятельности [7, с. 300]. Другая точка зрения на логическую природу версий заключается в том, что версия является категорией, подобной гипотезе. Первым выдвинул это положение С. А. Голунский, который отмечал, что любая версия по своей логической природе подобна тому, что в науке называют гипотезой, при этом отличие версии от гипотезы заключается в характере фактов, которые объясняются, и степени научной обоснованности [8].

На наш взгляд, стоит согласиться с мнением Р. С. Белкина, который считал, что отмеченные авторы понимали под гипотезой только одну ее разновидность, а именно научную гипотезу. Однако известно, что существуют и другие разновидности гипотезы, например отдельная гипотеза, которая касается какого-либо одного или нескольких фактов, явлений и объясняет только их, и рабочая гипотеза, что, приблизительно объясняя отдельные факты, имеет временный характер. По мнению Р. С. Белкина, версию стоит рассматривать как отдельную гипотезу, которая не претендует на установление законов природы, общества, мышления, и которая имеет значение для частного случая, а именно расследования преступления. Р. С. Белкин также подчеркивает, что криминалистическую версию нельзя рассматривать как рабочую гипотезу, потому что она не имеет временного характера. После своего выдвижения она претендует на истинность, постоянство объяснения. Версии замещаются другими не потому, что они имеют временный характер, а потому что они опровергнуты как ошибочные [3, с. 354–355].

Рассматривая логическую природу версии, стоит вспомнить концепцию, согласно которой версия может рассматриваться и как гипотеза, и как прогноз. Когда выдвигается возможное объяснение известному обстоятельству, применяется гипотеза. Когда на основании этих гипотез и установленных фактов выдвигается достоверное суждение о неизвестном донныне факте, происходит прогнозирование. Критикуя эту позицию, Р. С. Белкин подчеркивает, что прогноз всегда обращение в будущее, а версия в прошлое, и о прогнозировании можно говорить только относительно выведения следствий из версий [3, с. 357]. Следует отметить, что версия является разновидностью гипотезы и выполняет все функции, свойственные гипотезе. А гипотеза, в свою очередь, может быть обращена как в прошлое, так и в будущее.

По нашему мнению, отличие версии от других отдельных гипотез заключается в ее содержательном и функциональном значении. Версия имеет многофункциональный характер. В криминалистической литературе рассматриваются четыре основные функции версии как основы планирования расследования: аналитическая, познавательная (гносеологическая), прогностическая и организационная. Аналитическая функция версии заключается в том, что весь процесс ее создания и действия сопровождается анализом.

Прогностическая функция версии заключается не только в возможности предположения о поведении этого человека в будущем, в ходе расследования, в существующей или измененной следственной ситуации. Полностью допустимо прогнозирование в связи с развитием научно-технических знаний, которое приведет к изменению и совершенствованию способов совершения преступлений. А также прогнозирование возможности осуществления преступлений в сфере экономики, налогообложения, финансово-кредитной и банковской деятельности, где

неустойчивость экономической ситуации и несовершенная законодательная база создают благоприятные условия для криминальной деятельности.

По нашему мнению, наиболее полно содержательную сторону раскрывает понятие «криминалистическая версия». Судебные, следственные и другие виды версий, на наш взгляд, являются отдельными проявлениями криминалистической. Содержательная характеристика версии связана с ее функциональным определением. Функциональное значение версии имеет три аспекта рассмотрения: гносеологический, организационный и тактический.

С гносеологической (познавательной) точки зрения версия рассматривается как метод или средство познания истины в уголовном судопроизводстве. Гносеологическая роль следственных версий заключается в том, что исходная информация о преступлении, которая есть в распоряжении следователя, позволяет приблизительно объяснить событие, которое случилось, и на этой основе установить те обстоятельства, которые еще неизвестны и подлежат познанию и доказыванию [9, с. 261].

Организационный аспект рассмотрения функциональной роли криминалистической версии заключается в том, что версии определяют направление расследования, выступают основой планирования и организации.

Тактический аспект функциональной роли криминалистических версий, на наш взгляд, заключается в том, что построение версий является обязательным атрибутом планирования расследования, которое в свою очередь является обязательным условием расследования.

Версия должна отвечать определенным требованиям:

- выдвигаются реально возможные, обоснованные установленными фактами предположения;
- версия должна принципиально поддаваться проверке;
- версия должна быть логично правильно построенной, относительно простой, однозначной и непротиворечивой.

Выдвинутые в ходе расследования версии должны образовывать систему. Системность версий заключается в том, что для раскрытия преступления выдвигается не одна, а несколько общих версий, внутри каждой из них выдвигается система отдельных версий, которые охватывают все элементы предмета доказывания. При этом ни одна из отдельных версий не должна противоречить общей версии, в рамках которой она выдвинута.

В криминалистической литературе существует большое количество разных определений версии. Следует отметить, что все предложенные определения имеют свои недостатки. На наш взгляд, версия является многоаспектным явлением, и разные авторы в своих попытках дать дефиницию этому понятию, уделяя внимание одним аспектам, оставляют без внимания или недостаточно полно раскрывают другие стороны понятия криминалистической версии. Попытка же учесть все аспекты делает определение криминалистической версии слишком громоздким и абстрактным. Наиболее общее определение не может быть исчерпывающим.

В связи с этим наиболее лаконичное определение версии предлагает В. Е. Коновалова. По ее мнению, криминалистическая версия является обоснованным

предположением о событии преступления и личности преступника, где термин «событие преступления» охватывает все возможные связанные с ним обстоятельства, в том числе их происхождение, причинные зависимости, механизм и другие данные, предположение о наличии которых и позволяет установить объективную истину – раскрыть преступление [141, с. 13–14].

Обращение к классификации каких-либо объектов, свойств, состояний, способствует более четкому определению их видов и функций, которые они выполняют. Классификации в разных отраслях знаний имеют не только теоретическое значение – выяснение характеристик разного рода объектов, но и практическое, что позволяет более конкретно описать назначение каждого класса, его роль в практической деятельности.

Версии, будучи разновидностью отдельной гипотезы, в свою очередь могут быть классифицированы по разным критериям. В криминалистической литературе встречаются разные классификационные системы, которые отображают многообразие видов и форм достоверных суждений.

Как известно, большинство криминалистов выделяет три основных критерия для классификации криминалистических версий:

- 1) по объему установления обстоятельств события, которое исследуется;
- 2) по субъекту выдвижения версий;
- 3) по степени определенности.

В этом отношении совокупность исходных данных, которые определяют выдвижение версий об элементах состава преступления, будет рассматриваться как общие; исходные данные, которые определяют выдвижение версий относительно отдельных обстоятельств события, следов, вещественных доказательств, личности преступника, – как частные. Разделение версий на общие и частные логично объясняет их назначение.

По степени определенности криминалистические версии подразделяются на типичные и конкретные. На наш взгляд, под типичной версией стоит понимать возможное объяснение события в целом или ее отдельных сторон, основанное на исходной первичной информации о преступлении и обобщенном опыте работы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Типичной следственной ситуации отвечают типичные криминалистические версии.

Криминалистические версии можно также классифицировать по субъекту их выдвижения. На этом основании они подразделяются на розыскные, следственные, экспертные и судебные. Следует отметить, что разные предположения относительно обстоятельств события могут высказываться подозреваемыми, обвиняемыми, подсудимыми, свидетелями, потерпевшими, защитниками, гражданскими истцами и ответчиками, их законными представителями.

По своей природе эти предположения имеют характер «информации к рассуждению». Однако эти предположения могут приобрести значение версий только в тех случаях, когда они принимаются как такие лицами, которые принимают участие в раскрытии и расследовании преступлений. В числе версий, которые входят в эту классификацию, значительное место принадлежит розыскным версиям. Эти версии выдвигаются в процессе деятельности оперативного сотрудника, который принимает

оперативно-разыскные меры до возбуждения уголовного дела или параллельно с расследованием. Розыскные версии отличаются невысокой степенью обоснованности и значительной динамикой. Выдвигается эта категория версий оперативным сотрудником самостоятельно, на основе исходных данных о преступлении, или строится в результате взаимодействия оперативного сотрудника и следователя. В этом случае розыскная версия выплывает из следственной, с которой она связана неразрывно. В рассмотренной классификации следственные версии занимают наиболее значимое место относительно проблем расследования преступлений. Они являются более объемной категорией. Как видно из наименования, эти версии выдвигаются следователями и исполняют важную интегрирующую роль в познании события преступления и установлении истины по делу. Развитие теоретических положений, которые касаются проблемы следственных версий, повлияло на поиск однотипных концепций в экспертной практике и теории. Роль предположений в работе эксперта имеет огромное значение. Это повлекло введение в классификацию понятия «экспертная версия», которое выдвигается экспертом в процессе экспертного исследования определенных фактов и явлений, которые имеют значение для расследования. В этой классификации стоит назвать судебные версии. Их наличие определяется деятельностью суда по анализу и оценке доказательной информации. Судебная версия может повторять следственную, которая является основой для расследования преступления, но может в ходе судебного разбирательства сформироваться как противная следственной, что опровергает представление о виновности лица, доказанности его вины. В этом случае последствиями выдвижения судебной версии является: возвращение дела на дополнительное расследование, оправдательный приговор, прекращение дела и возобновление дела в связи с обстоятельствами, которые открылись.

Таким образом, нами проведен анализ развития учения о криминалистической версии и его связи с планированием расследования, исследована предыстория вопроса, его формирование, в криминалистической литературе, трансформация определения версии к современному состоянию, изучены проблемы классификации версий. Отдельно следует отметить, что в ходе работы проанализирован вопрос о функциях версий.

Подводя итог, считаем необходимым предложить такую классификацию криминалистических версий:

- 1) по субъекту выдвижения: следственные, розыскные, экспертные, судебные;
- 2) по объему фактов, которые объясняются: общие и частные;
- 3) по степени определенности: типичные и конкретные;
- 4) по направленности во времени: ретроспективные и прогностические;
- 5) по форме логических взаимоотношений: основные и контрверсии.

Список источников

1. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1971. – 720 с.
2. Громов, В. И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления: (Сб. науч. тр.) / В. И. Громов. – М.: ЛексЭст, 2003. – 544 с.

3. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. / Р. С. Белкин. – М.: Юрист, 1997. – Т. 2: Частные криминалистические теории. – 464 с.
4. Криминалистика / под ред. С. П. Митричева и П. И. Тарасова-Родионова. – М.: Госюриздат, 1952. – Ч. 2. – 175 с.
5. Пешак, Я. Следственные версии. Криминалистическое исследование / Я. Пешак. – М.: Прогресс, 1976. – 232 с.
6. Коновалова, В. Е. Версия: концепция и функции в судопроизводстве / В. Е. Коновалова. – Харьков: Консум, 2000. – 176 с.
7. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса (перераб. и доп. изд.) / М. С. Строгович. – Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
8. Планирование расследования преступлений / под ред. А. С. Голунского. – М.: Госюриздат, 1957. – 199 с.
9. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. – М.: Юрист, 2000. – 784 с.

Поступила в редакцию 04.02.2021 г.

CRIMINALISTICS VERSION IS BASIS OF PLANNING OF INVESTIGATION OF CRIMES

The questions of intercommunication of criminalistics version and planning of investigation of crimes are considered in this article. A concept and functions of criminalistics versions. Classification of criminalistics versions is offered.

Keywords: criminalistics version, planning of investigation of crimes.

Хань Геннадий Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: khan-genadii@mail.ru

Khan Gennady

PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Process of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: khan-genadii@mail.ru

Осляк Наталья Владимировна

ассистент кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: nataliya2019os@gmail.com

Oslyak Nataliya

Assistant of the Department of Theory and
History of State and Law of Donetsk national
university
DPR, Donetsk
E-mail: nataliya2019os@gmail.com

УДК 349

Цыба Е. В.
Энделадзе Т. А.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Деятельность по обеспечению исполнения полномочий и функций государства так или иначе сопряжена с несением определенных затрат, которые ложатся на государственный бюджет. Организация эффективного государственного финансового контроля сегодня является важнейшим направлением экономической политики Донецкой Народной Республики. В статье проанализирована деятельность органов, осуществляющих государственный финансовый контроль в Донецкой Народной Республике и Российской Федерации.

Ключевые слова: бюджет, государственный орган, Счетная палата, финансовый контроль, контрольная деятельность.

Контроль за процессами, носящими экономический, политический или социальный характер, является одной из главных задач государства. Финансовый контроль является значимым компонентом системы контроля. Главная его задача заключается в обеспечении формирования и эффективного использования финансовых ресурсов, а также проведении успешной финансовой политики государства.

На сегодняшний день идет процесс формирования системы государственного финансового контроля в Донецкой Народной Республике с учетом ряда политических, экономических, социальных и правовых факторов. Актуальной и первоочередной задачей для Донецкой Народной Республики является не только принятие нормативно-правовых актов в области финансового контроля, которые бы определили правовой статус и урегулировали деятельность соответствующих государственных органов, но и исследование зарубежного опыта его организации. Также для полноценного и качественного правового обеспечения системы государственного финансового контроля в Донецкой Народной Республике необходимо учитывать интеграционный аспект, который преследует Республика на данном этапе своего развития. Сближая концепции законодательства Донецкой Народной Республики и Российской Федерации, Республика увеличивает свои шансы на перспективы вхождения в состав РФ на правах автономного субъекта. В связи с этим считаем необходимым исследовать систему, а также полномочия органов, осуществляющих государственный финансовый контроль в Донецкой Народной Республике и в Российской Федерации.

Вопросы государственного финансового контроля в разное время исследовались и изучались различными учёными. Следует отметить работы М. Л. Белоножко, Н. И. Даниленко, А. Н. Шилиной, Е. В. Овчаровой, Ю. В. Прохорова, С. Ф. Федуловой, в которых рассмотрены особенности финансового контроля государства, проблемы теории и практики реализации государственного финансового контроля.

Цель исследования заключается в изучении теоретических и практических аспектов административно-правового статуса органов осуществляющих государственный финансовый контроль в Донецкой Народной Республике и Российской Федерации.

Государственный финансовый контроль – это проверка соблюдения органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими и физическими лицами финансового законодательства, рациональности и эффективности использования государственных финансовых и материальных ресурсов [1, с. 67]. Для осуществления эффективного государственного финансового контроля, важное значение, имеют вопросы, связанные с системной организацией органов, его осуществляющих, а также разграничение их компетенций. В юридической литературе органы государственного финансового контроля разделяют на две группы: органы общей компетенции в сфере осуществления финансового контроля и органы специальной компетенции в сфере осуществления финансового контроля. Сравнительный анализ предлагаем проводить, основываясь на указанном классификационном критерии.

К органам общей компетенции в сфере осуществления финансового контроля необходимо относить органы государственной власти, которые осуществляют общие функции и полномочия, затрагивающие все направления жизнедеятельности общества.

К указанной группе органов в Донецкой Народной Республике относятся: Глава Донецкой Народной Республики, Народный Совет Донецкой Народной Республики, Правительство Донецкой Народной Республики. В Российской Федерации к органам общей компетенции, которые имеют право осуществления финансового контроля, необходимо отнести: Президента Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации. Что же касается Президента РФ и Главы Республики, то данные лица посредством подписания законов, а также издания указов и распоряжений по финансовым вопросам реализуют функции в сфере контроля над состоянием государственных финансов.

Народный Совет Донецкой Народной Республики и Федеральное Собрание Российской Федерации являются законодательными органами государственной власти и в сфере финансового контроля и осуществляют свою деятельность в следующих формах:

- рассмотрение проекта бюджета и соответственно отчетности о его исполнении;
- деятельность непосредственно создаваемых комитетов, которые функционируют на постоянной основе и рассматривают конкретные вопросы финансовой деятельности;
- одной из форм парламентского финансового контроля, следует считать парламентский запрос. Благодаря данной форме финансового контроля парламент

имеет возможность оперативно реагировать на факты нарушения государственной финансовой дисциплины.

Правительство Донецкой Народной Республики и Правительство Российской Федерации являются основными органами исполнительной власти, осуществляющие общий финансовый контроль. Проанализировав полномочия указанных органов необходимо указать, что к их компетенции необходимо отнести: обеспечение и проведение единой финансовой и денежно-кредитной политики; разработка и представление законодательному органу бюджета и обеспечение его исполнения; обеспечение совершенствование бюджетной системы; осуществление управления государственным внутренним и внешним долгом страны и т.д.

Как видим, органы общей компетенции в Российской Федерации и Донецкой Народной Республики обладают практически идентичными полномочиями в сфере осуществления финансового контроля.

В связи с этим, более подробно необходимо рассмотреть полномочия органов специальной компетенции в сфере осуществления финансового контроля в Донецкой Народной Республики и Российской Федерации.

Вторую группу государственных органов, осуществляющих финансовую деятельность, составляют государственные органы, для которых финансовая деятельность является основной. Они специально созданы для проведения финансовой деятельности и финансового контроля в государстве.

К органам специальной компетенции в Донецкой Народной Республике относят: Министерство финансов Донецкой Народной Республики; Республиканское казначейство Донецкой Народной Республики; Министерство доходов и сборов Донецкой Народной Республики; Центральный Республиканский Банк Донецкой Народной Республики.

К органам специальной компетенции в Российской Федерации относят: Министерство финансов Российской Федерации; Федеральное Казначейство Российской Федерации; Федеральная налоговая служба Российской Федерации; Центральный Банк Российской Федерации; Счетная Палата Российской Федерации.

Центральное место в системе государственного финансового контроля со стороны исполнительных органов занимает Министерство финансов Донецкой Народной Республики [2]. Данный исполнительный орган не только разрабатывает финансовую политику страны, но и непосредственно контролирует ее осуществление. На данный момент в Министерстве финансов Донецкой Народной Республики в качестве самостоятельных структурных подразделений осуществляют свою деятельность 10 Департаментов, которые в той или иной форме контролируют финансовые отношения. Одной из основных задач Департамента бюджетного и финансового мониторинга является контроль за целевым и эффективным использованием средств республиканского и местного бюджетов, бюджетных ассигнований резервных фондов государственных органов, бюджетных ассигнований резервного фонда Главы Донецкой Народной Республики, средств республиканских программ.

Также, к исполнительным органам осуществляющих государственный финансовый контроль необходимо отнести Министерство доходов и сборов Донецкой

Народной Республики. Данное министерство осуществляет налоговый контроль, который является одним из видов финансового контроля. Министерство доходов и сборов Донецкой Народной Республики осуществляет свою деятельность на основании Положения о Министерстве доходов и сборов Донецкой Народной Республики № 25-20 утвержденного Правительством Донецкой Народной Республики 12 сентября 2019 года [3].

Министерство обеспечивает контроль за соблюдением законодательства о налогообложении, бюджетного, таможенного и другого законодательства, относящегося к сфере деятельности Министерства; обеспечивает контроль за правильностью исчисления, полноты и своевременности уплаты (перечисления) в бюджеты Донецкой Народной Республики налогов, сборов, штрафных (финансовых) санкций, таможенных платежей, единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование, а в случаях, предусмотренных законодательством Донецкой Народной Республики, контроль правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты (перечисления) иных обязательных платежей.

Отдельное место в системе финансового контроля также занимает Республиканское казначейство Донецкой Народной Республики. Данный республиканский орган исполнительной власти, осуществляет правоприменительные функции по обеспечению исполнения республиканского бюджета, кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Донецкой Народной Республики, предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами республиканского бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств республиканского бюджета.

Республиканское казначейство Донецкой Народной Республики, в соответствии с Положением о Республиканском казначействе Донецкой Народной Республики № 8-7 утвержденного Правительством Донецкой Народной Республики 03 мая 2019 года: осуществляет предварительный контроль за ведением операций со средствами бюджетов бюджетной системы Донецкой Народной Республики главными распорядителями, распорядителями и получателями бюджетных средств; осуществляет полномочия по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере [4].

В настоящее время Центральный Республиканский Банк Донецкой Народной Республики играет ключевую роль в организации банковского контроля и надзора, который обеспечивает не только стабильность финансовой и банковской системы Донецкой Народной Республики, но и является субъектом обеспечения безопасности посредством осуществления своей контрольно-надзорной деятельности. Статус, цели деятельности, функции и полномочия Центрального Республиканского Банка определяются Законом Донецкой Народной Республики «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики» от 26 апреля 2019 года № 32-ПНС [5].

Центральный Республиканский Банк Донецкой Народной Республики является субъектом денежно-кредитной политики, поскольку, именно он исполняет контроль над финансовыми потоками, объемом денежной массы в Республике, работой кредитных организаций, а также имеет воздействие на решение многих

макроэкономических проблем и на деловую активность. Целью банковского надзора является обеспечение устойчивого функционирования банковской системы, а также соблюдения законных интересов юридических и физических лиц. Центральный Республиканский Банк вправе в целях выполнения задач и функций, возложенных на него, и обеспечения своей деятельности издавать обязательные для выполнения правовые предписания, которые оформляются в виде Постановлений Правления Центрального Республиканского Банка Донецкой Народной Республики.

Для полноценного и качественного правового обеспечения системы государственного финансового контроля в Донецкой Народной Республики необходимо углубить разноплановые теоретические исследования по данной проблематике, изучить положительный зарубежный опыт. В связи, с чем рассмотрим систему специальных органов, осуществляющих государственный финансовый контроль в Российской Федерации.

Счетная палата Российской Федерации – постоянно действующий высший орган внешнего государственного аудита (контроля), подотчетный Федеральному Собранию Российской Федерации. Счетная палата осуществляет свою деятельность на основе принципов законности, эффективности, объективности, независимости, открытости и гласности. Счетная палата Российской Федерации осуществляет свою деятельность в соответствии с требованиями Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» от 05.04.2013 № 41 [6]. В данном законе указывается, что Счетная палата является постоянно действующим высшим органом внешнего государственного аудита (контроля), подотчетным Федеральному Собранию. В рамках задач, определенных законодательством Российской Федерации, Счетная палата обладает организационной, функциональной, а также финансовой независимостью и осуществляет свою деятельность самостоятельно. Основная задача Счетной Палаты Российской Федерации – осуществление контроля за исполнением федерального бюджета. А объектом контроля со стороны Счетной палаты РФ выступают средства федерального бюджета, федеральных внебюджетных фондов и федеральная собственность.

Существующий порядок формирования Счетной палаты при участии только органов государственной власти, которые избраны непосредственно народом, обеспечивает ей высокий уровень демократической легитимации. Этим ее правовой статус существенно отличается от контрольных органов исполнительной власти, которые имеют только косвенную демократическую легитимацию. Подотчетность Счетной палаты Федеральному Собранию РФ позволяет осуществлять парламентский контроль за ее деятельностью. Также это дает возможность парламентариям как оценивать результаты ее работы, так и не допускать чрезмерной концентрации власти в ее руках.

Отдельное место в системе финансового контроля занимает Министерство финансов Российской Федерации, которое не только разрабатывает финансовую политику страны, но и контролирует ее реализацию. Министерство финансов осуществляет финансовый контроль в процессе создания федерального бюджета; контролирует поступление и расходование бюджетных средств и федеральных внебюджетных фондов; участвует в валютном контроле; контролирует направление и использование государственных инвестиций.

Федеральное казначейство является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации правоприменительные функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета. В своей деятельности Федеральное казначейство руководствуется Положением о Федеральном казначействе утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 703 [7]. Если сравнивать полномочия Республиканского казначейства Донецкой Народной Республики и Федерального казначейства РФ, то они практически идентичны, но необходимо обратить внимание, что Федеральное казначейство РФ имеет более широкий список полномочий.

Так Федеральное казначейство РФ: ведет реестр государственных контрактов, заключенных от имени Российской Федерации по итогам размещения заказов; осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд закупки товаров, работ, услуг, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для государственных нужд в установленной сфере деятельности. В связи с чем, предлагаем расширить полномочия Республиканского казначейства Донецкой Народной Республики, используя опыт Российской Федерации, отобразив их в Положении о Республиканском казначействе Донецкой Народной Республики.

Также, особое место в осуществлении государственного экономического контроля принадлежит Центральному Банку Российской Федерации. В его деятельность сводится организация и контролирование, денежно – кредитных взаимоотношений в стране, реализация надзор за деятельностью коммерческих банков. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) осуществляет функции государственного управления, наделенного властными полномочиями, и действует в соответствии с Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ [8].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы, что для полноценного и качественного правового обеспечения системы государственного финансового контроля в Донецкой Народной Республике необходимо:

- 1) определить организационную структуру системы государственного финансового контроля, функции, задачи, права и обязанности органов государственного финансового контроля, обратившись к опыту Российской Федерации. Поскольку в настоящее время работа органов государственного финансового контроля в Донецкой Народной Республике не характеризуется единообразием и согласованностью;

- 2) дополнить Положения о Республиканском казначействе Донецкой Народной Республики полномочиями указанного органа в следующей редакции: «ведет реестр государственных контрактов, заключенных от имени Донецкой Народной Республики по итогам размещения заказов; осуществляет в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики и иными нормативными правовыми актами о

контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд закупки товаров, работ, услуг, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для государственных нужд в установленной сфере деятельности»;

3) принять в Донецкой Народной Республике законодательный акт, регулирующий статус Счетной палаты. Данный законодательный акт, по нашему мнению, наиболее полно урегулирует правовые, организационные, экономические моменты деятельности указанного контрольного органа. Функционирование Счетной палаты в Донецкой Народной Республике поможет контролировать расходование бюджетных средств, а также прогнозировать будущие бюджетные процессы.

Список источников

1. Правовые основы регулирования финансовой деятельности: учебник для среднего профессионального образования / Е. М. Ашмарина [и др.]; под редакцией Е. М. Ашмариной. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 370 с.
2. Положение о Министерстве Финансов Донецкой Народной Республики: утверждённое постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.07.2015 года № 13-33 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minfindnr.ru/wp-content/uploads/2014/12/pos_13-33_ot_22-07-2015.pdf (дата обращения: 10.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Положение о Министерстве доходов и сборов Донецкой Народной Республики: утвержденное Постановлением Правительства Донецкой Народной Республики от 12.09.2019 г. № 25-20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/7761/> (дата обращения: 10.12.2020). – Загл. с экрана.
4. Положение о Республиканском казначействе Донецкой Народной Республики: утверждённое Правительством Донецкой Народной Республики от 03 мая 2019 года № 8-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0030-8-7-20190503/> (дата обращения: 10.12.2020). – Загл. с экрана.
5. О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 26.04.2019 года № 32-ПНС / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-tsentrалnom-respublikanskom-banke-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 10.12.2020). – Загл. с экрана.
6. О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 05.04.2013 года № 41 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1649.
7. Положение о Федеральном казначействе Российской Федерации: утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 703 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50565/db291c5e47ac2c8c220c6f7b0707974f32dcb201/ (дата обращения: 10.12.2020). – Загл. с экрана.
8. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон Российской Федерации от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

Поступила в редакцию 04.02.2021 г.

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF BODIES EXERCISING STATE
FINANCIAL CONTROL IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC
AND THE RUSSIAN FEDERATION**

Activities to ensure the fulfillment of the powers and functions of the state in one way or another involve certain costs that fall on the state budget. The organization of effective state financial control today is the most important direction of the economic policy of the Donetsk People's Republic. The article will analyze the activities of the bodies exercising state financial control in the Donetsk People's Republic and the Russian Federation.

Keywords: budget, government agency, Accounts Chamber, financial control, control activities.

Цыба Евгений Владимирович

кандидат юридических наук, доцент
кафедры административного и финансового
права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: e.tsiba@donnu.ru

Tsyba Evgeniy

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of
Administrative and Financial Law of Donetsk
National University

DPR, Donetsk

E-mail: e.tsiba@donnu.ru

Энделадзе Татьяна Александровна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

Endeladze Tatiana

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk

УДК 343.3/.7

Чихрадзе А. М.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСТАВЫ УБИЙСТВ В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В статье исследованы основные этапы становления и развития института смягчения уголовной ответственности и наказания в части включения смягчающих обстоятельств в качестве обязательного элемента состава преступления в целях выявления основных тенденций, сопровождающих указанное уголовно-правовое явление.

Ключевые слова: привилегированный состав убийства, смягчающие обстоятельства, Русская Правда, Соборное Уложение, Артикулы Петра I, Уголовное Уложение.

В процессе научных исследований используются различные методы познания, среди которых исторический метод является необходимым для уяснения логики и тенденции развития юридической, в нашем случае, уголовно-правовой мысли об ответственности за преступления при смягчении уголовного наказания в досоветский период развития российского уголовного права.

Исследование особенностей уголовной ответственности и назначения наказания за совершения убийств при смягчающих обстоятельств уделяли внимание в разное время такие ученые как А. Г. Бабичев, М. Н. Гернет, К. И. Копылова, И. Н. Кузнецов, А. В. Музлов, Н. А. Неклюдов, Н. С. Таганцев. Тем не менее, историческое становление и развитие законодательной регламентации уголовно-правового института составов привилегированных составов убийств до сих пор является актуальным, поскольку позволяет выявить и обобщить исторические особенности их законодательной регламентации, а также особенности назначения наказания, которые повлияли на современное состояние уголовного закона и правоприменительную практику.

Целью научного исследования является проанализировать правовые особенности становления и развития уголовно-правового института привилегированных составов убийств в досоветский период развития уголовного права. Для достижения поставленной цели необходимо решить такие задачи: во-первых, исследовать общие вопросы и условия смягчения уголовной ответственности; во-вторых, определить специфику правовой регламентации составов убийств с привилегированным составом в досоветский период.

Статья 9 Устава князя Владимира Святославовича (синодальная редакция) указывала, что подлежит ответственности мать за то, что «девка детя повържетъ», то есть избавиться от младенца. Постановление Трулльского собора предусматривало, что мать, которая избавилась от младенца, отлучалась от церкви на десять лет в качестве

наказания, а само это деяние приравнивалось к убийству. В Уставе князя Ярослава Мудрого в ст. 5 и 6 (1051–1054) указывалось, что церковь осуждает женщину-мать за следующие деяния: во-первых, за избавление от плода или младенца, а во-вторых, за рождение внебрачного ребенка. За совершение указанных деяний к женщине применялось наказание в виде эпитимьи (трехлетнего поста), а также она помещалась в церковный дом [1, с. 55]. Стоит отметить, что на указанные выше нормы, которые содержались в уставах древнерусских князей, существенное влияние оказало каноническое право, поскольку, хотя женщину и наказывали за детоубийство (достаточно мягко), оно считалось не преступлением, а грехом. Детоубийство признавалось посягательством на моральные устои, ценность семьи и нравственности. В. О. Ключевский провел исследование о соотношении греха и преступления во времена действия церковных уставов Владимира Святого и его сына Ярослава. Он отмечал, что помимо заботы о душе человека, церковь также помогала государству, а нередко и заменяла его в вопросах поддержания порядка [2]. Таким образом, существуют основания полагать, что дела, связанные с убийством новорожденных, относились к греховно-преступным делам, а жизнь младенцев охранялась Церковью и Церковным судом [3].

Право на причинение вреда (вплоть до смерти) лицу, которое посягает на личность или имущество, а также при осуществлении задержания, если виновный оказывал сопротивление, также содержалось в договорах князей. Так, по мнению Н. С. Таганцева, А. В. Музлова, Н. А. Неклюдова, В. Р. Долопчева первые упоминания о праве необходимой обороны содержались еще в Русско-византийских договорах 911 и 945 годов [4, с. 101]. Примечательно, что указанные акты не содержали в себе определения каких-либо условий правомерности необходимой обороны либо ограничений в применении такого права. Институт задержания лица, которое совершило преступление, также впервые упомянут в договорах с греками, которые были заключены при князе Олеге (911 г.) и князе Игоре (945 г.). В отличие от необходимой обороны, по отношению к задержанию уже в то время были установлены некоторые условия его правомерности. Так, хозяин имел право убить вора только в том случае, когда последний оказывал сопротивление и был схвачен на месте преступления. Если вор сопротивления не оказывал, причинение смерти не допускалось.

Русская Правда, являясь одним из наиболее значимых памятников русского права, содержит первые упоминания о смягчении уголовной ответственности за совершение преступлений, в том числе и убийств. Среди обстоятельств, существенно смягчающих наказание, указанный источник права называет состояние алкогольного опьянения, относительно такого вида преступления, как убийство, совершенное «в пиру». Наказание за указанное преступление назначалось менее сурово, чем, например, за убийство при разбое. Иными смягчающими обстоятельствами универсального характера, т.е. применяемыми к любым преступлениям, считались от его оконченность (ст. 30) и вид соучастия в нем. Хотя ст. 40 Краткой редакции и ст. 41 Пространной редакции не предусматривали дифференциации объема уголовной ответственности в зависимости от роли соучастника, князь, выступая в роли судей, разграничивали степень их ответственности по указанному критерию.

Существует мнение, что долгое время в Древней Руси детоубийство и убийство более взрослых детей не считалось преступлением. С крещением Руси и приходом

христианской церкви любое убийство стало считаться грехом. Таким образом, в Древней Руси убийство младенца (в том числе и новорожденного ребенка) долгое время считалось грехом, а не преступлением. В качестве наказания по отношению к женщинам применяли такие меры, как отлучение от причастия, пост, поклоны, покаяние перед священником.

Русской Правдой предусматривалось, что сознание и воля лица, которое совершает преступление («деятеля») могут быть временно парализованы, вследствие чего деяние теряет свой преступный характер. «Если кто ударит другого батогом... а оскорбленный, не стерпевши того, ткнет мечом, то вины ему в этом нет». В ст. 19 Русская Правда содержала также норму, которая предусматривала ответственность за убийство «огнищанина в обиду», которую можно считать прообразом ст. 107 УК РФ.

Пределы правомерности институтов необходимой обороны и задержания лица, которое совершило преступление, а также ответственность за нарушение условий правомерности путем причинения смерти также предусматривались в Русской Правде. Так, в статье 40 Русской Правды (пространной редакции) убить вора можно было исключительно ночью на месте преступления (если он не давал себя связать, сопротивлялся). Если же вора удалось связать и наступило утро (о чем имеются свидетельские показания), за его убийство выплачивался штраф [5]. Статья 38 предусматривала схожие условия правомерности при применении мер, необходимых для задержания лица, которое совершило преступление. Причинение смерти, которое не было уголовно наказуемым, также допускалось ночью. Однако если были свидетельские показания, что лицо удалось связать (задержать соответственно) и после оно было убито, виновный обязан был выплатить штраф в размере 12 гривен [6, с. 12–13]. Стоит отметить, что уже во времена Русской правды эти составы убийств считались привилегированными, поскольку наказание за «простое» убийство было в виде смертной казни, а за вышеуказанные преступления оно устанавливалось в виде штрафа.

Соборное Уложение 1649 г. четко подразделяет преступления против жизни на умышленные, неосторожные и «случайные». Это положение заимствовано из византийского права с необходимыми модификациями, обусловленными разными историческими эпохами, соответствовавшими Соборному Уложению и его первоисточникам. Соборное Уложение 1649 г. характеризуется некоторыми особенностями. Во-первых, этот памятник русского права, который предусматривал смертную казнь более чем за 50 преступлений, среди которых и такое тяжкое преступление, как убийство. Во-вторых, этот нормативный акт отражает некоторые обычаи славян (безграничная власть родителей над детьми), которые проявляются в нем, например, при дифференциации уголовной ответственности за детоубийство: в зависимости от обстоятельств, убийство новорожденного могло считаться менее тяжким случаем убийства (привилегированным), а также тяжким преступлением. Согласно ст. 3 Соборного уложения, за убийство ребенка наказывались в одинаковой степени и отец, и мать. После тюремного заключения сроком на один год, виновных приводили в церковь и всенародно объявляли их грех. В то же время, ст. 26 относил убийство незаконнорожденного ребенка к тяжкому виду убийства, поскольку указанное

преступление совершает женщина, которая забеременела вне брака, нарушая моральные устои того времени. Таким образом, детоубийство уже признавалось не грехом, а преступлением (ст. 3 и ст. 26 гл. XXII Уложения).

Соборное Уложение не выделяло убийство в состоянии аффекта в самостоятельный состав преступления, однако относило аффект к смягчающим обстоятельствам, наряду с такими как слабоумие, малолетство преступника, бедственное положение (нужда) и состояние опьянения. В Соборном Уложении не употреблялось понятие «необходимая оборона», оно также не содержало специального термина, ее обозначающего. Однако именно в этом законодательном памятнике в общих чертах был сформирован этот уголовно-правовой институт. О пределах и условиях правомерности необходимой обороны в Соборном уложении не упоминалось. Соборное уложение допускало причинение смерти и любого иного вреда при осуществлении мер задержания исключительно в случае активного сопротивления преступника (вора).

В законодательстве царской России причинение вреда при задержании в дальнейшем рассматривалась в рамках необходимой обороны. Причинение вреда лицу уже после совершения им общественно-опасного деяние не допускалось. Оно рассматривалось как противоправное деяние, уголовная ответственность за которое наступала на общих основаниях. Существенным толчком в развитии института смягчения уголовной ответственности и наказания можно считать принятие такого нормативно-правового акта, как Артикул воинский 1715 г. Указанный документ определил главной целью уголовного наказания исправление преступника, что положило начало не только совершенствованию института назначения наказания, но и смягчения уголовной ответственности. Так, среди смягчающих обстоятельств он выделял отсутствие умысла, состояние здоровья, незнание закона, раскаяние или признание в содеянном.

Артикул 152 рассматривал особое эмоциональное состояние как обстоятельство, которое должно смягчать вину лица. Так, тот, «кто другого не одумавшись с сердца, или опаматовась, бранными словами выбранит, ... пред судом у обиженного христианское прощение имеет чинить» [7, с. 152]. Указанная норма не указывает на причину возникновения эмоционального состояния виновного. Она была применима только в том случае, когда виновное лицо в возбужденном состоянии нанесло обиду иному лицу, и последнее обязано было его простить. В случае убийства наличие такого возбуждения (волнения) не считалось как обстоятельство, смягчающее наказание.

Воинский Устав 1715 г. не только впервые выделил необходимую оборону как самостоятельный институт, который обозначался особым термином «нужное оборонение», но и установил пределы его правомерности. В свою очередь Морской Устав 1720 года предусматривал ответственность за превышение пределов необходимой обороны. Воинский Артикул 1715 года также устанавливал ответственность за нарушение пределов при задержании лица (вора), которое совершило преступление. Артикул 185 устанавливал в качестве таких пределов: ночное время и невозможность задержания преступника иными способами и средствами. Соответственно, за нарушение указанных пределов лицо подлежало уголовной ответственности за совершение обычного умышленного убийства.

Принятый во время правления Петра I Артикул воинский 1715 г., относил детоубийство к тяжкому виду убийства, независимо от законнорожденности ребенка. Это объяснялось тем, что Петр I, понимая истинные причины совершения детоубийства и осуществляя меры предупреждения указанного преступления, предоставлял женщинам возможность избежать его совершения. Так, своими указами № 2856 от 4 ноября 1714 г. и № 2953 от 4 ноября 1715 г. он создал особые дома для воспитания внебрачных детей, куда матери могли их отдать анонимно, не предъявляя документы и скрыв свое лицо. В будущем воспитанники таких домов по достижении совершеннолетия определялись в военную службу.

Следующим историческим памятником русского права, который существенно расширяет как сам перечень смягчающих обстоятельств, так и границы его смягчения – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Среди смягчающих обстоятельств, которые упоминались в предыдущих правовых актах, оно выделяет: полное раскаяние, легкомыслие, слабоумие, глупость, крайнюю необходимость (голод). На данных обстоятельствах Уложение не останавливается и расширяет их перечень: совершение преступления по приказанию; недоведение преступления до конца и убеждение соучастников в этом; признание вины, возмещение убытков, возраст виновного лица, срок давности; указание на вид соучастия в преступлении. Смягчение уголовной ответственности за убийство осуществлялось также включением в их законодательную конструкцию смягчающих признаков, тем самым устанавливая уголовную ответственность за совершение привилегированных видов убийств.

Уложение предусматривало уголовную ответственность за три вида детоубийства: 1) предумышленное убийство сына или дочери, рожденных в законном браке (тяжкое преступление); 2) убийство внебрачного ребенка, совершенное матерью от стыда или страха при его рождении; 3) убийство новорожденного ребенка-урода. Стоит отметить, что последние два вида этого преступления относили к привилегированным убийствам. Причем в первом случае ответственность матери смягчалась исключительно при соблюдении ряда условий: она в прошлом не совершала подобное преступление. Если виновная совершала детоубийство ранее, то наказывалась за «обычное» («простое») убийство; непредумышленность; женщина, совершившая детоубийство, не была замужем (хотя фактически это не влияло на привлечение к уголовной ответственности); роды были первыми. Потерпевшим от этого преступления признавался только собственный внебрачный новорожденный ребенок, а субъектом, соответственно, только мать потерпевшего. В уголовно-правовой литературе того времени также отмечалось, что одним из оснований смягчения уголовной ответственности было особое потрясение психики у матери-роженицы, вызванное родовыми муками, которое, например, И. Я. Фойницкий и Н. С. Таганцев определяли как «особое соматическое состояние» [8, с. 101].

Второй привилегированный состав детоубийства был предусмотрен ст. 146: убийство «младенца чудовищного вида или даже не имеющего человеческого образа». Указанная норма права прямо не указывала на то, кто мог быть субъектом этого преступления, поэтому, предположительно, им могло быть любое лицо (мать, отец, иные лица).

Ст. 1445 Уложения о наказаниях предусматривает уголовно-правовую норму, которая схожа со ст. 107 УК РФ: убийство «хотя и не случайно, но в запальчивости или раздражении, и особенно когда раздражение было вызвано насильственными действиями или тяжким оскорблением со стороны убитого». Анализируя указанное положение закона можно предположить, что главным конструктивным признаком этого состава преступления было состояние «запальчивости и раздражения», которое, видимо, в значительной степени снижало возможность лица осознавать свои действия и руководить ими. Провокационные действия потерпевшего (насильственные и тяжкое оскорбление) могли быть основной причиной, которая вызвала подобное эмоциональное состояние. Уголовная ответственность за подобное деяние ужесточалась и не подлежала применению ст. 1445 Уложения в случае совершения этого преступления в отношении любого из родственников виновного лица.

Уложение 1845 года уже предусматривало необходимую оборону как уголовно-правовой институт для личной защиты и для защиты третьих лиц. Кроме того, согласно положениям данного акта «всякий напрасный, сделанный нападающему после уже отвращения грозившей от него опасности вред», считался превышением пределов необходимой обороны («злоупотребление обороной»). В соответствии с нормами названного Уложения обороняющийся был обязан незамедлительно объявить обо всех обстоятельствах и условиях своей обороны соседям, а по возможности и «ближайшему начальнику» [9]. Кроме того, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, не предусматривало освобождение от уголовной ответственности за вред, причиненный в процессе задержания преступника. Уложение рассматривало задержание в рамках необходимой обороны и фактически разрешало причинять любой вред при задержании лица, которое совершило общественно-опасное деяние (ст. 107).

Перечень смягчающих обстоятельств в Уголовном уложении 1903 г. не претерпел серьезных изменений, за исключением введения правил смягчения наказания в зависимости от возраста виновного лица. От 10 до 17 лет смягчение наказания осуществлялось в силу «периода условной вменяемости», а от 17 до 21 года – вследствие «возраста смягчения наказания» [10, с. 89].

Уголовное уложение 1903 г. в ст. 461 предусматривало два вида детоубийства: тяжкое преступление – убийство матерью своего законнорожденного ребенка, совершенное при родах или после них. Указанная статья также предусматривала ответственность за убийство матерью прижитого ею вне брака ребенка при его рождении в качестве привилегированного состава. Основаниями смягчения наказания за указанный вид детоубийства признавались два разнофакторных обстоятельства: во-первых, наличие у виновной особого рода физических и психических страданий, которые влияют на ее психику и делают ее неспособной в полной мере осознавать свои действия и руководить ими; во-вторых, стыд и страх.

В уголовном уложении 1903 г. в ст. 458 были предусмотрены два вида убийств в состоянии сильного душевного волнения. Часть первая устанавливала уголовную ответственность за убийство, задуманное и выполненное под влиянием сильного душевного волнения. Возникновение указанного состояния психики, согласно этой части ст. 458, связывалось с различными обстоятельствами, не обязательно с какими-либо провокационными действиями потерпевшего. Это было значительным правовым

пробелом, поскольку нельзя не согласиться с А. Г. Бабичевым, что обстоятельство, которым вызвано это волнение лица, имеет ключевое значение для справедливой оценки содеянного этим лицом [7, с. 152].

Часть вторая этой же статьи предусматривала основания уголовной ответственности за убийство, совершенное в этом же эмоциональном состоянии, однако оно должно было быть вызвано противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. Таким образом, в данном случае законодатель связывал возникновение состояния сильного душевного волнения с предшествующими ему провокационными действиями потерпевшего, что и являлось основанием смягчения наказания.

В Уголовном Уложении 1903 г. необходимая оборона по-прежнему включала в себя и институт задержания лица, которое совершило преступление, и была признана правомерным деянием. В ст. 45 указанного акта говорилось, что не является преступным деяние, которое совершено при необходимой обороне, которая заключалась в защите личных или имущественных благ. Кроме того, в данной статье давалось определение превышения пределов необходимой обороны. Под ним понималась чрезмерная или несвоевременная защита, которая наказывалась в случаях, «особо законом указанных» [11]. Таким случаем можно определить убийство при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица на месте преступления (которые считались привилегированным составом преступления).

Ретроспективный анализ некоторых памятников российского уголовного законодательства показал, что смягчающие обстоятельства либо учитывались на общих основаниях при назначении наказания виновному лицу, либо входили в состав обязательных признаков состава преступления. Анализ нормативного закрепления составов преступлений, которые в современной уголовно-правовой науке обозначены как привилегированные убийства (ст. 106-108 УК РФ) показал, что основные памятники российского уголовного права содержали прообразы либо подобные составы преступлений, которые также считались привилегированными. Исключение составляет убийство матерью новорожденного ребенка. Это проявляется в том, что в различные периоды исторического развития законодатель относил это преступление то к категории квалифицированных составов убийств (Соборное Уложение 1649 г., Военский Артикул 1715 г.), то привилегированных (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.).

Список источников

1. Гернет, М. М. Детоубийство в русском праве / М. М. Гернет // «А ее грехи злые, смертные»: русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов и богословов XIX – начала XX в.: в 3 кн. Кн. 1 / подгот. Н. Л. Пушкаревой и Л. В. Бессмертных. – М., 2004. – 290 с.
2. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Лекция 15 / История России до 1917 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiahistory.ru/vo-klyuchevskij-kurs-russkoj-istorii-lektsiya-15/> (дата обращения: 16.12.2019). – Загл. с экрана.
3. Копылова, К. И. Становление норм об уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка / К. И. Копылова // Молодой ученый. – 2020. – № 4. – С. 389–392 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/294/66615/> (дата обращения: 28.03.2020). – Загл. с экрана.

4. Музлов, А. В. Возникновение и развитие института необходимой обороны / А. В. Музлов // Государство и право. – 2008. – № 10. – С. 101–105.
5. Пространная Русская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/RP/prp.htm> (дата обращения: 28.03.2020). – Загл. с экрана.
6. Кузнецов, И. Н. История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен по 1930 г. // под. ред. И. Н. Кузнецова. – М., 2000. – С. 12–13.
7. Бабичев, А. Г. Становление уголовного законодательства об ответственности за убийство в состоянии аффекта / А. Г. Бабичев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 151–154.
8. Бабичев, А. Г. Историческое становление российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка / А. Г. Бабичев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 4(359). – С. 99–105.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnyh_1845_goda.pdf (дата обращения: 28.03.2020). – Загл. с экрана.
10. Мингалимова, М. Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Мингалимова Марьям Фердинандовна; [Место защиты: Университет прокуратуры Российской Федерации]. – М., 2019. – 254 с.
11. Бабичев, А. Г. Историческое развитие отечественного уголовного законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eurasialegal.info/index.php/ugolovnoe-pravo/4406-2015-03-30-08-37-04.html> (дата обращения: 30.03.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 31.01.2021 г.

PREFERRED MURDERS IN THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION OF THE PRE-SOVIET PERIOD

The article examines the main stages of the formation and development of the institution of mitigating criminal liability and punishment in terms of the inclusion of mitigating circumstances as a mandatory element of the corpus delicti in order to identify the main trends accompanying this criminal law phenomenon.

Keywords: privileged composition of murder, mitigating circumstances, Russkaya Pravda, Sobornoe Code, Articles of Peter I, Criminal Code.

Чихрадзе Анна Михайловна
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: aniamako@rambler.ru

Chikhradze Anna
Senior Lecturer, Department of Administrative
and Financial Law
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: aniamako@rambler.ru

УДК 343.01

Ярошенко Д. Г.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ С УЧЕТОМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ С СОДЕЙСТВИЕМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ

В статье проводится теоретическое осмысление понятия «индивидуализация уголовного наказания»; рассматриваются основные положения уголовного закона, предусматривающие обстоятельства, связанные с содействием правоохранительным органам. Кроме того, даются рекомендации, направленные на совершенствование предмета правового регулирования нормативных правовых актов, регулирующих вопросы индивидуализации личности лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: индивидуализация уголовного наказания, государство, общество, личность, поведение, обстоятельство, исправление.

Справедливость на сегодняшний день выступает основополагающим ориентиром при построении общества и государства. В современных условиях невозможно представить построение справедливого общества без применения индивидуализации уголовного наказания при вынесении решений судом в отношении лица, совершившего преступление.

Заслуживает внимания точка зрения Л. В. Иногамовой-Хегай и А. И. Коробеева, согласно которой принцип индивидуализации уголовного наказания является частью принципа справедливости, определенного (установленного) в ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1, с. 12–13].

Ф. Ш. Искандеров, проводя анализ индивидуализации наказания в уголовном праве Украины, пришел к выводу о том, что индивидуализация наказания происходит исходя из уголовно-правовой нормы, в пределах предмета правового регулирования общей части Уголовного кодекса Украины, степени тяжести совершенного преступления, личности виновного, обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание [2, с. 182–184].

Аналогичный подход при проведении индивидуализации уголовного наказания применяется в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике.

Общественно-правовая мысль Соединенных Штатов Америки относительно индивидуализации уголовных наказаний формировалась под эгидой справедливости. Американское общество склоняется к мнению, что вынесение разных приговоров за одни и те же преступления с аналогичными обстоятельствами – это проявление несправедливости со стороны американской судебной системы [3, с. 251].

Н. Е. Крылова провела правовой анализ нового Уголовного кодекса Франции, который пришел на смену наполеоновскому кодексу 1810 г. Так, в новом кодексе отводится особое внимание индивидуализации ответственности и наказания. Автор считает достоинством НУК Франции – общественные отношения сквозь призму концепций прав человека и правового государства [4].

Таким образом, индивидуализация уголовного наказания в романо-германской и англосаксонской правовых системах является индикатором проявления справедливости и политико-правовым средством при построении правового государства.

Учитывая изложенное целесообразно провести правовой анализ индивидуализации уголовного наказания в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике с учетом обстоятельств, связанных с содействием правоохранительным органам, что позволит сформировать объективные предпосылки к совершенствованию индивидуализации уголовного наказания в указанных государствах.

Разработкой исследования индивидуализации уголовного наказания и особенностей смягчения уголовного наказания занимались следующие ученые и юристы: Арапиди С. Г., Иногамова-Хегай Л. В., Коробеева А. И., Искандеров Ф. Ш., Крылова Н. Е., Вакарина Е. В., Лукьянова А. А., Кашапов Р. М., Еремин В. Н., Игнатова М. А., Серебренникова А.В., Долиненко Л. А.

Российский правовед С. Г. Арапиди вкладывает в понятие «индивидуализация уголовного наказания» следующее содержание: он указывает на то, что под индивидуализацией уголовного наказания следует понимать деятельность суда по назначению справедливого наказания лицу, совершившему преступление. Кроме того, наказание суд назначает с учетом обстоятельств рассматриваемого дела и личности лица, совершившего преступление [5, с. 4].

Е. В. Вакарина считает, что индивидуализация наказания – это «... конкретизация вида и размера наказания лицу, совершившему преступление, в зависимости от его личностных качеств и обстоятельств, усиливающих или смягчающих степень общественной опасности деяния» [6].

Приведенные мнения российских ученых применимы к российской и нашей республиканской уголовно-исполнительной и судебной политике.

Учитывая приведенные разносторонние мнения можно сделать вывод о том, что суд при назначении наказания руководствуется принципами справедливости и объективности с целью назначения наиболее оптимального вида и размера уголовного наказания для достижения исправления лица, совершившего то или иное уголовное преступление.

Следует обратить внимание, что в соответствии с ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 Конституции Российская Федерация является федеративным правовым государством, а власть осуществляет многонациональный народ. Указанная особенность российского государства наталкивает на мысль, что в каждом субъекте федерации суды применяют разное толкование принципа индивидуализации уголовного наказания, справедливости, объективности, соответственно, возникает сложность «систематизации» выбора вида и меры наказания между разными субъектами федерации.

Проводя уголовно-исполнительную политику Российской Федерации, целесообразно в первую очередь учитывать особенности субъектов федерации.

В то же время Донецкая Народная Республика не является федеративным многонациональным государством, соответственно, проблемы, связанные с систематизацией подходов назначения наказания лицам, совершившим преступления, не являются приоритетными.

Пунктом «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ к обстоятельству, смягчающему наказание, относится активное способствование раскрытию и расследованию преступления. В указанной статье УК РФ под квалифицирующими действиями, расцениваемыми как содействие следствию, являются следующие действия лица, совершившего преступление:

- явка с повинной;
- активное способствование раскрытию преступления;
- активное способствование расследованию преступления;
- активное способствование изобличению других соучастников преступления;
- активное способствование уголовному преследованию других соучастников преступления;
- активное способствование розыску имущества, добытого в результате преступления.

В изложенных выше положениях часто упоминаются слова «активное способствование», однако законодательство Донецкой Народной Республики и Российской Федерации не раскрывают содержание понятия «активного способствования», соответственно, отсутствие пределов указанного определения приводит к тому, что правоохранительные и судебные органы могут по собственному усмотрению его применять в практической деятельности.

Схожего мнения придерживается Л. А. Долиненко, справедливо указывая на то, что «Практически трудно определить, какие действия являются активными, а какие нет, так как для одного лица определенные действия следует рассматривать как активные, применительно к другой ситуации и другому лицу эти же действия могут таковыми не признаваться» [7, с. 57].

В качестве решения анализируемой проблемы может быть установление законодательным способом градации действий обвиняемого, подозреваемого, соответствующей определенной градации смягчения наказания [8, с. 103–106].

А. А. Лукьянова, проводя анализ сущности явки с повинной, пришла к выводу о том, что «способствование раскрытию и расследованию преступления предполагает, что лицо, совершившее преступление, представило органам дознания или следствия информацию о совершенном с его участием преступлении либо о своей роли в преступлении, имеющую значение для раскрытия и расследования преступления» [9, с. 134–136].

Важно отметить, что слова «имеющую значение» являются оценочной категорией с позиции следователя или дознавателя, соответственно, рекомендуется в общей части как УК ДНР, так и УК РФ уточнить, что является имеющей или не имеющей значение информацией, предоставленной лицом, совершившим преступление, во избежание ложно оценочных суждений как компетентными должностными лицами правоохранительных органов, так и суда.

Подобные действия субъектов, совершивших преступление, важно связывать с такой научной категорией как правосознание. Это значит, что лица осознают свою вину и степень своей общественной опасности, а с другой стороны такие действия

свидетельствуют о том, что лица желают загладить свою вину или же исправиться, соответственно, установление нижних пределов наказания судом могут способствовать эффективному исправлению лиц, совершивших уголовные преступления.

Анализируя диспозиции статей УК РФ Кашапов Р. М. выделяет следующие виды поведения, характеризующего как «содействие следствию». К таковым относятся:

- «а) выдача орудий и средств совершения преступления;
- б) задержание и доставление в правоохранительные органы соучастников преступления;
- в) указание места захоронения трупа (например, по убийствам);
- г) содействие розыску предметов преступления (например, оружия, наркотических средств, документов и т.д.);
- д) содействие в отыскании вещественных доказательств;
- е) указание места сокрытия похищенного имущества, каналов его приобретения и сбыта».

Приведенные виды поведения лица, совершившего преступление, не являются исключительными и зависят напрямую от совершенного преступления. Однако если учесть, что преступник указал информацию по пунктам, а), в) верно, а по пункту г) и е) неверно, то в таком случае возникает вопрос, будет ли считаться, что он активно содействует со следствием?

Опять-таки вопрос имеет субъективный оценочный характер и при одних и тех же обстоятельствах совершенного преступления и при аналогичных личностных характеристиках суды с высокой долей вероятности могут назначать разную меру и вид наказания.

Пунктом 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – Постановление № 58 ВС РФ) предусмотрено следующее:

«К сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников). Исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей.».

В то же время в Донецкой Народной Республике также уделяется внимание личности виновному в совершенном преступлении при назначении судами наказания. Так, пунктом 2 Постановления № 1 Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 04 сентября 2015 г. «О практике назначения судами уголовного наказания» (далее – Постановление № 1 ВС ДНР) установлено, что судам необходимо учитывать влияние назначенного наказания на исправление осуждённого и на условия жизни его семьи (например, возможную утрату членами семьи осуждённого средств к существованию в силу возраста, состояния здоровья), при этом принимаются во внимание и фактические семейные отношения, не регламентированные законодательством ДНР.

Следует отметить, что изложенные положения в Постановлении ВС ДНР № 1 и Постановлении № 58 ВС РФ прямо не относятся к личности лица, совершившего преступление. Кроме того, отсутствуют ключевые указания, характеризующие личность преступника. В данном случае целесообразно было бы учитывать мнение людей, с которыми указанное лицо проходило обучение на разных этапах формирования его личности.

Объектом индивидуализации наказания является личность. Доктор медицинских и психологических наук, профессор К. К. Платонов определил психологическую структуру личности, состоящую из четырех подструктур, к которым относятся:

«1) низший уровень – это биологически обусловленная подструктура, включающая врожденные свойства нервной системы, темперамента, возрастные и половые свойства психики;

2) подструктура охватывает индивидуальные особенности психических процессов – мышление, память, способности, ощущение, восприятие, зависящих не только от врожденных факторов, но и от тренировки и их развития;

3) следующий уровень личности – ее индивидуальный социальный опыт, который включает приобретенные человеком знания, умения, навыки и привычки, формирующиеся в основном в процессе обучения, имеющие социальный характер;

4) высшим уровнем личности является ее направленность, составляющая ее желания, влечения, интересы, взгляды, убеждения, идеалы, мировоззрения, идеалы, особенности характера и самооценки» [10, с. 15].

Учитывая изложенное перечен информации о личности, содержащийся в нормативных правовых актах, не соответствует медицинской классификации (структуре и ее подструктурам), установленной К. К. Платоновым, что может свидетельствовать о том, что суд принимает во внимание не все стороны личности и что может повлечь неверно назначенное наказание, которое не будет способствовать исправлению лица, совершившего преступление.

Упущение судом информации о периодах формирования личности может привести к неполному анализу его биографии, а соответственно, и к неправильному установлению судом меры и вида наказания, что повлечет за собой «неисправление» лица, совершившего преступное деяние.

С целью объективной оценки личности лица, совершившего преступление, целесообразно проводить анкетирование лиц, когда-либо имевших отношение к последнему, например, учителя, преподаватели, члены семьи, коллеги по работе.

На основании анкетирования вышеуказанных лиц станет возможно объективно оценить личностные, психологические, социальные качества подсудимого и станет возможным сделать выводы о том, будет ли судом избранное наказание способствовать исправлению.

Между тем вопросы, поставленные в анкете, целесообразно разделить на три категории: социальные, психологические, непосредственно характеризующие личность.

Таким образом, комплексный анализ мнений ученых и уголовного законодательства Донецкой Народной Республики и Российской Федерации дает основания полагать, что на сегодняшний день правоохранительные органы и органы правосудия при назначении наказания руководствуются оценочными категориями, не

имея при этом законодательного механизма их объективного воплощения, что приводит к нарушению баланса «справедливости» ввиду фактически разного назначения судами наказаний при одинаковых условиях совершаемых преступлений и аналогичных характеристик лиц, совершаемых преступные деяния.

Список источников

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 336 с.
2. Искандеров, Ф. Ш. Индивидуализация наказания по уголовному законодательству Турции /Ф. Ш.Искандеров // Актуальні проблеми держави і права. – Одеса: Юридична література, 2010. – С. 182–184.
3. Robinson, P. Reforming the federal criminal code; A top ten list // Buffalo criminal law review. – V. 1. – 1997. – P. 250–256.
4. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 2. Общая часть. Франция германия. Италия. Япония: учебник для бакалавриата и магистратуры / Н. Е. Крылова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова, А. В. Серебренникова; под ред. Н. Е. Крыловой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 263 с.
5. Воронин, В. Н. Индивидуализация наказания : понятие, критерии, значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Воронин Вячеслав Николаевич; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – М., 2015. – 30 с.
6. Вакарина, Е. А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (Уголовно-правовые и уголовноисполнительные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. А. Вакарина. – Краснодар, 2001. – 215 с.
7. Долиненко, Л. А. Смягчающие ответственность обстоятельства по действующему уголовному законодательству и в судебной практике: учеб. пособие / Л. А. Долиненко. – Иркутск: ИГУ, 1980. – 81 с.
8. Шишкин, А. А. Содействие следствию в рамках смягчающих обстоятельств / А. А. Шишкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 8. – С. 103–106.
9. Лукьянова, А. А. Добровольная явка с повинной и способствование раскрытию и расследованию преступления как условия применения деятельного раскаяния / А. А. Лукьянова // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации сборник статей X Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 134–136.
10. Глазырин, А. Человек. Личность. Индивидуальность: ученик / А. Глазырин. – Екатеринбург: Издательские решения, 2020. – 32 с.

Поступила в редакцию 06.01.2021 г.

INDIVIDUALIZATION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC, TAKING INTO ACCOUNT THE CIRCUMSTANCES RELATED TO THE PROMOTION OF LAW ENFORCEMENT

The authors of this article carry out a theoretical understanding of the concept of «individualization of criminal punishment»; discusses the main provisions of the criminal law, providing for the circumstances

associated with assistance to law enforcement agencies. In addition, recommendations are given aimed at improving the subject of legal regulation of normative legal acts regulating the issues of individualization of the personality of a person who has committed a crime.

Keywords: individualization of criminal punishment, state, society, personality, behavior, circumstance, correction.

Ярошенко Дмитрий Григорьевич

Главный специалист отдела правовой
экспертизы Департамента регистрации
нормативных правовых актов
Министерство юстиции Донецкой Народной
Республики
ДНР, г. Донецк
E-mail: karakulx@mail.ru

Yaroshenko Dmitry

Chief Specialist of the Legal Expertise
Division of the Department for Registration
of Regulatory Legal Acts
Ministry of Justice of the Donetsk People's
Republic
DPR, Donetsk
E-mail: karakulx@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

– НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

– Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных

источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.**

Серия Е: Юридические науки

2020. – № 4

Технический редактор: А. К. Миронова

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 25.12.2020 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл. печ. л. 12,71.

Тираж 100 экз. Заказ. №

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.